

Внеклассное чтение.
4 класс. Хрестоматия

Содержание

Русские Богатыри (былины).....	4
Зачин.....	4
Святогор-богатырь.....	6
Алёша Попович и Тугарин Змеевич.....	11
Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча.....	17
Пётр Ершов.....	25
Сказка «Конёк-горбунок».....	25
Братья Гримм.....	34
Сказка «Соломинка, уголь и боб».....	34
Сказка «Горшочек каши».....	36
Ханс Кристиан Андерсен.....	38
Сказка «Ёлка».....	38
Джанни Родари.....	47
Сказка «Дворец из мороженого».....	48
Сказка «Как придумывают числа».....	49
Сказка «Дорога, которая никуда не ведёт».....	50
Сказка «Вопросы наизнанку».....	53
Сказка «Бриф! Бруф! Браф!».....	55
Сказка «Солнце и туча».....	56
Эрнест Сетон-Томпсон.....	57
Сказка «Отчего синицы раз в году теряют рассудок».....	57
Сельма Лагерлёф.....	60
Сказка «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями».....	60
Фёдор Тютчев.....	69
Стихотворение «Зима недаром злится...».....	69
Стихотворение «Листья».....	70
Александр Блок.....	71
Стихотворение «На лугу».....	71
Алексей Плещеев.....	72
Стихотворение «Птичка».....	72
Константин Ушинский.....	73
Рассказ «Ветер и Солнце».....	73
Рассказ «Ласточка».....	74
Алексей Толстой.....	76
Стихотворение «Где гнутся над омутом лозы...».....	76
Стихотворение «Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...».....	77

Лев Толстой.....	78
Рассказ «Какая бывает роса на траве».....	78
Рассказ «Лебеди».....	79
Рассказ «Дуб и орешник».....	80
Михаил Лермонтов.....	81
Стихотворение «Осень».....	81
Иван Бунин.....	82
Стихотворение «Лес, точно терем расписной...».....	82
Николай Некрасов.....	84
Стихотворение «Славная осень! Здоровый, ядрёный...».....	84
Стихотворение «Зелёный шум».....	85
Афанасий Фет.....	86
Стихотворение «Рыбка».....	86
Константин Бальмонт.....	87
Стихотворение «Ручеёк».....	87
Михаил Михайлов.....	88
Сказка «Лесные хоромы».....	88
Михаил Пришвин.....	91
Рассказ «Птицы и листья».....	91
Сергей Есенин.....	92
Стихотворение «Нивы сжаты, рощи голы...».....	92
Стихотворение «Берёза».....	92
Стихотворение «Поёт зима — аукает...».....	93
Стихотворение «Пороша».....	94
Стихотворение «Заметает пурга...».....	94
Стихотворение «Черёмуха».....	95
Стихотворение «Ночь».....	96
Стихотворение «С добрым утром!».....	97

Русские Богатыри (былины)

(в пересказе для детей Ирины Карнауховой)

Зачин

На высоких холмах стоит Киев-город.

В старину опоясывал его земляной вал,
оказывали рвы.

С зелёных холмов киевских далеко было
видно. Видны были пригороды и многолюдные
сёла, тучные земли пахотные, синяя лента Днепра,
золотые пески на левом берегу, сосновые рощи...

Пахали под Киевом землю пахари. По
берегам реки строили умелые корабельщики
лёгкие ладьи, долбили челны дубовые. В лугах и по

заводям¹ пасли пастухи круторогий скот.

За пригородами и сёлами тянулись леса дремучие. Бродили по ним
охотники, добывали медведей, волков, туров — быков рогатых, и мелкого
зверя видимо-невидимо.

А за лесами раскинулись степи без конца и края. Шло из этих степей
на Русь много горюшка: Налетали из них на русские
сёла кочевники — жгли и грабили, уводили русских
людей в полон.

Чтобы беречь от них землю русскую,
разбросались по краю степи заставы богатырские,
маленькие крепости. Оберегали они путь на Киев,
защищали от врагов, от чужих людей.

А по степям без устали разъезжали богатыри
на могучих конях, зорко всматривались в даль, не
видать ли вражеских костров, не слышать ли топота
чужих коней.

¹ **Заводь** — небольшой залив, часть реки (или озера) около берега с замедленным течением.

Дни и месяцы, годы, десятилетия оберегал землю родную Илья Муромец, ни дома себе не построил, ни семьи не завёл. И Добрыня, и Алёша, и Дунай Иванович — всё в степи да в чистом поле правили службу воинскую. Изредка собирались они к князю Владимиру на двор — отдохнуть, попить, гуляров послушать, друг о друге узнать.

Коль тревожно время, нужны богатыри-воины, с честью встречает их Владимир-князь с княгиней Апра́ксией. Для них печи топят, в грíдне — гостиной горнице — для них столы ломаются от пирогов, калачей, жареных лебедей, мёду сладкого. Для них на лавках ба́рсовы шкуры лежат, медвежьи на стенах развешаны.

Но есть у князя Владимира и погреба глубокие, и замки железные, и клетки каменные. Чуть что не по нём, не вспомнит князь о ратных подвигах, не посмотрит на честь богатырскую...

Зато в чёрных избах¹ по всей Руси простой народ богатырей любит, славит и чествует. Ржаным хлебом с ним делится, в красный угол² сажает и поёт песни про славные подвиги — о том, как берегут, защищают богатыри родную Русь!

Слава, слава и в наши дни богатырям-защитникам Родины!

*Высока высота поднебесная,
Глубока глубина океан-моря,
Широко раздолье по всей земле.
Глубоки омуты Днепровские,
Высоки горы Сорочинские,
Тёмны леса Брянские,
Чёрны грязи Смоленские,
Быстры-светлы реки русские.*

А и сильные, могучие богатыри на славной Руси!

¹ Чёрная изба — изба, отапливаемая печью, не имеющей трубы.

² Красный угол — наиболее почётное место в избе у восточных славян, в котором находились иконы и стоял стол, обычно был обращён на юго-восток.

Святогор-богатырь

Высоки на Руси Святые горы, глубоки их ущелья, страшны пропасти; Не растут там ни берёзка, ни дуб, ни сосна, ни зелёная трава. Там и волк не пробежит, орёл не пролетит, — муравью и тому поживиться на голых скалах нечем.

Только богатырь Святогор разъезжает между утёсов на своём могучем коне. Через пропасти конь перескакивает, через ущелья перепрыгивает, с горы на гору переступает.

*Ездит старый по Святым горам.
Тут колеблется мать сыра земля,
Осыпаются камни в пропасти,
Выливаются быстры реченьки.*

Ростом богатырь Святогор выше тёмного леса, головой облака подпирает, скачет по горам — горы под ним шатаются, в реку заедет — вся вода из реки выплеснется. Ездит он сутки, другие, третьи, — остановится, раскинет шатёр — ляжет, выпится, и снова по горам его конь бредёт.

Скучно Святогору-богатырю, тоскливо старому: в горах не с кем слова перемолвить, не с кем силой помериться.

Поехать бы ему на Русь, погулять бы с другими богатырями, побиться с врагами, растряссти бы силу, да вот беда: не держит его земля, только каменные утёсы святогорские под его тяжестью не рушатся, не падают, только их хребты не трещат под копытами его коня богатырского.

Тяжко Святогору от своей силы, носит он её как трудное брѣмя¹. Рад бы половину силы отдать, да некому. Рад бы самый тяжкий труд справить, да труда по плечу не находится. За что рукой ни возьмётся — всё в крошки рассыплется, в блин расплющится.

Стал бы он леса корчевать, да для него леса — что луговая трава. Стал бы он горы ворочать, да это никому не надобно...

¹ Брѣмя — (устар.) тяжёлая ноша, груз.

Так и ездит он один по Святым горам, голову от тоски ниже гнёт...

— Эх, найти бы мне земную тягу, я бы в небо кольцо вбил, привязал к кольцу цепь железную; притянул бы небо к земле, повернул бы землю краем вверх, небо с землёй смешал — поистратил бы немного силушки!

Да где её — тягу — найти!

Едет раз Святогор по долине между утёсов, и вдруг-впереди живой человек идёт!

Идёт невзрачный мужичок, лаптями притоптывает, на плече несёт перемётную суму¹.

Обрадовался Святогор: будет с кем словом перемолвиться, — стал мужичка догонять.

Тот идёт себе, не спешит, а Святогоров конь во всю силу скачет, да догнать мужика не может. Идёт мужичок, не торопится, сумочку с плеча на плечо перебрасывает. Скачет Святогор во всю прыть — всё прохожий впереди! Едёт шагом — всё не догнать!

Закричал ему Святогор:

— Эй, прохожий молодец, подожди меня! Остановился мужичок, сложил свою сумочку наземь. Подскакал Святогор, поздоровался и спрашивает:

— Что это у тебя за ноша в этой сумочке?

— А ты возьми мою сумочку, перекинь через плечо да и пробег с ней по полю.

Рассмеялся Святогор так, что горы затряслись; хотел сумочку плёткой поддеть, а сумочка не сдвинулась, стал копьём толкать — не шелохнётся, пробовал пальцем поднять-не поднимается...

Слез Святогор с коня, взял правой рукой сумочку — на волос не сдвинул. Ухватил богатырь сумочку двумя руками, рванул изо всей силы — только до колен поднял. Глядь —

¹ **Перемётная сума** – (устар.) мешок из ткани, кожи для ношения, перевозки чего-либо, являющийся по сути двумя связанными сумками, перекидываемыми через конское седло.

а сам по колено в землю ушёл, по лицу не пот, а кровь течёт, сердце замерло...

Бросил Святогор сумочку, на землю упал, — по горам-долам гул пошёл.

Еле отдышался богатырь.

— Ты скажи мне, что у тебя в сумочке положено? Скажи, научи, я о таком чуде не слыхал. Сила у меня непомерная, а я такой песчинки поднять не могу!

— Почему не сказать — скажу: в моей маленькой сумочке вся тяга земная лежит.

Опустил Святогор голову:

— Вот что значит тяга земная. А кто ты сам и как зовут тебя, прохожий человек?

— Пахарь я, Микула Селянинович.

— Вижу я, добрый человек, любит тебя мать сыра земля! Может, ты мне про судьбу мою расскажешь? Тяжко мне одному по горам скакать, не могу я больше так на свете жить.

— Поезжай, богатырь, до Северных гор. У тех гор стоит железная кузница. В той кузнице кузнец всем судьбу куёт, у него и про свою судьбу узнаешь.

Вскинул Микула Селянинович сумочку на плечо и зашагал прочь. А Святогор на коня вскочил и поскакал к Северным горам. Ехал-ехал Святогор три дня, три ночи, трое суток спать не ложился — доехал до Северных гор. Тут утёсы ещё голей, пропасти ещё черней, реки глубокие бурливее...

Под самым облаком, на голой скале увидал Святогор железную кузницу. В кузнице яркий огонь горит, из кузницы чёрный дым валит, звон-стук по всей округе идёт.

Зашёл Святогор в кузницу и видит: стоит у наковальни седой старичок, одной рукой мехи раздувает, другой — молотом по наковальне бьёт, а на наковальне-то не видно ничего.

— Кузнец, кузнец, что ты, батюшка, куёшь?

— Подойди поближе, наклонись пониже! Нагнулся Святогор, поглядел и удивился: куёт кузнец два тонких волоса.

— Что это у тебя, кузнец?

— Вот два волоса окую, волос с волосом совью — два человека и женятся.

— А на ком мне жениться судьба велит?

— Твоя невеста на краю гор в ветхой избушке живёт.

Поехал Святогор на край гор, нашёл ветхую избушку. Вошёл в неё богатырь, положил на стол подарок-сумку с золотом. Огляделся Святогор и видит: лежит недвижно на лавке девушка, вся корой и струпьями покрыта, глаз не открывает.

Жаль её стало Святогору. Что так лежит и мучается? И смерть не идёт, и жизни нету.

Выхватил Святогор свой острый меч, хотел ударить девушку, да рука не поднялась. Упал меч на дубовый пол.

Святогор выскочил из избушки, на коня сел и поскакал к Святым горам.

А девушка тем временем глаза открыла и видит: лежит на полу богатырский меч, на столе — мешок золота, а с неё вся кора свалилась, и тело у неё чистое, и силы у неё прибыли.

Встала она, прошлась по горенке¹, вышла за порог, нагнулась над озерком и ахнула: смотрит на неё из озера девица-красавица — и статна, и бела, и румяна, и очи ясные, и косы русые!

¹ Горенка — небольшая жилая комната.

Взяла́ она золото, что на столе лежало, построила корабли, нагрозила товарами и пустилась по синему морю торговать, счастье искать.

Куда бы ни приехала, — весь народ бежит товары покупать, на красавицу любоваться. Слава о ней по всей Руси идёт:

Вот доехала она до Святых гор, слух о ней и до Святогора дошёл. Захотелось ему тоже на красавицу поглядеть. Взглянул он на неё, и полюбилась ему девушка.

— Вот это невеста по мне, за эту я посватаюсь! Полюбился и Святогор девушке.

Поженились они, и стала жена Святогору про свою прежнюю жизнь рассказывать, как она тридцать лет лежала, корой покрытая, как вылечилась, как деньги на столе нашла.

Удивился Святогор, да ничего жене не сказал.

Бросила девушка торговать, по морям плавать, стала жить со Святогором на Святых горах.

Алёша Попович и Тугарин Змеевич

В славном городе Ростове у ростовского попа соборного был единственный сын. Звали его Алёша, прозывали по отцу Поповичем.

Алёша Попович грамоте не учился, за книги не садился, а учился с малых лет копьём владеть, из лука стрелять, богатырских коней укрощать. Силой Алёша не большой богатырь, зато дерзостью да хитростью взял. Вот подрос Алёша Попович до шестнадцати лет, и скучно ему стало в отцовском доме.

Стал он просить отца отпустить его в чистое поле, в широкое раздолье, по Руси привольной поездить, до синего моря добраться, в лесах поохотиться. Отпустил его отец, дал ему коня богатырского, саблю, копьё острое да лук со стрелами. Стал Алёша коня седлать, стал приговаривать:

— Служи мне верно, богатырский конь. Не оставь меня ни мёртвым, ни раненым серым волкам на растерзание, чёрным воронам на расклевание, врагам на поругание! Где б мы ни были, домой привези!

Обрядил он своего коня по-княжески. Седло черкасское, подпруга шелковая, узда золочёная.

Позвал Алёша с собой любимого друга Екима Ивановича и поутру в субботу из дому выехал искать себе богатырской славы.

Вот едут верные друзья плечо в плечо, стремя в стремя, по сторонам поглядывают. Никого в степи не видно — ни богатыря, с кем бы силой помериться, ни зверя, чтоб поохотиться. Раскинулась под солнцем русская степь без конца, без края, и шороха в ней не слышать, в небе птицы не видать. Вдруг видит Алёша — лежит на

кургане камень, а на камне что-то написано. Говорит Алёша Екиму Ивановичу:

— Ну-ка, Екимушка, прочитай, что на камне написано. Ты хорошо грамотный, а я грамоте не обучен и читать не могу.

Соскочил Еким с коня, стал на камне надпись разбирать.

— Вот, Алёшенька, что на камне написано: правая дорога ведёт к Чернигову, левая дорога в Киев, к князю Владимиру, а прямо дорога — к синему морю, к тихим заводям.

— Куда же нам, Еким, путь держать?

— К синему морю ехать далеко, к Чернигову ехать незачем: там калачницы хорошие. Съешь один калач — другой захочется, съешь другой — на перину завалишься, не сыскать нам там богатырской славы. А поедем мы к князю Владимиру, может, он нас в свою дружину возьмёт.

— Ну, так завернём, Еким, на левый путь.

Завернули молодцы коней и поехали по дороге к Киеву.

Доехали они до берега Сафат-реки¹, поставили белый шатёр. Алёша с коня соскочил, в шатёр вошёл, лёг на зелёную траву и заснул крепким сном. А Еким коней расседлал, напоил, прогулял, стреножил² и в луга пустил, только тогда отдыхать пошёл.

Утром-светом проснулся Алёша, росой умылся, белым полотенцем вытерся, стал кудри расчёсывать.

А Еким вскочил, за конями сходил, попоил их, овсом покормил, заседлал и своего и Алёшиного.

Снова молодцы в путь пустились.

Едут-едут, вдруг видят — среди степи идёт старичок.

Нищий странник — калика перехожая. На нём лапти из семи шелков сплетённые, на нём шуба соболиная, шапка греческая, а в руках дубинка дорожная.

Увидал он молодцов, загородил им путь:

— Ой вы, молодцы удалые, вы не ездите за Сафат-реку. Стал там ста́нам³ злой враг Тугарин, Змея сын. Вышиной он как высокий дуб, меж плечами косая са́жень⁴, между глаз можно стрелу положить. У него крылатый конь — как лютый зверь: из ноздрей пламя пышет, из ушей дым вáлит. Не

езжайте туда, молодцы!

Екимушка на Алёшу поглядывает, а Алёша распалился, разгневался:

¹ **Сафа́т-река** — Сафат-река — это волшебная река из старинных сказаний и былин. Её нельзя найти на обычной карте. Для героев Сафа́т-река — важная точка на их пути, где они остановились отдохнуть во время путешествия.

² **Стрено́жить** — связать путами ноги лошади (обе передние с одной задней или только передние).

³ **Ста́н** — место расположения, лагерь, стоянка, временное поселение.

⁴ **Са́жень** — русская мера длины (более 2 метров).

— Чтобы я да всякой нечисти дорогу уступил! Не могу я его взять силой, возьму хитростью. Братец мой, дорожный странничек, дай ты мне на время твоё платье, возьми мои богатырские доспехи, помоги мне с Тугарином справиться.

— Ладно, бери, да смотри, чтобы беды не было: он тебя в один глоток проглотить может.

— Ничего, как-нибудь справимся!

Надел Алёша цветное платье и пошёл пешком к Сафат-реке. Идёт на дубинку опирается, прихрамывает...

Увидел его Тугарин Змеевич, закричал так, что дрогнула земля, согнулись высокие дубы, воды из реки выплеснулись, Алёша еле жив стоит, ноги у него подкашиваются.

— Гей, — кричит Тугарин, — гей, странничек, не видал ли ты Алёшу Поповича? Мне бы хотелось его найти, да копьём поколоть, да огнём пожечь.

А Алёша шляпу греческую на лицо натянул, закричал, застонал и отвечает стариковским голосом:

— Ох-ох-ох, не гневись на меня, Тугарин Змеевич! Я от старости оглох, ничего не слышу, что ты мне приказываешь. Подъезжай ко мне поближе, к убогому.

Подъехал Тугарин к Алёше, наклонился к седла, хотел ему в ухо гаркнуть, а Алёша ловок, увёртлив был, — как хватит его дубинкой между глаз, — так Тугарин без памяти на землю пал.

Снял с него Алёша дорогое платье, самоцветами расшитое, не дешёвое платье, ценой в сто тысяч, на себя надел. Самого Тугарина к седлу приторóчил¹ и поехал обратно к своим друзьям.

А так Еким Иванович сам не свой, рвётся Алёше помочь, да нельзя в богатырское дело вмешиваться, Алёшиной славе мешать.

Вдруг видит Еким — скачет конь что лютый зверь, на нём в дорогом платье Тугарин сидит.

¹ Приторóчить — привязать ремнями (к седлу).

Разгневался Еким, бросил наотмашь свою пáлицу¹ в тридцать пудов прямо в грудь Алёше Поповичу. Свалился Алёша замертво.

А Еким кинжал вытащил, бросился к упавшему, хочет добить Тугарина... И вдруг видит — перед ним Алёша лежит...

Грянулся наземь Еким Иванович, горько расплакался:

— Убил я, убил своего брата названного, дорогого Алёшу Поповича!

Стали они с каликой Алёшу трясти, качать, влили ему в рот питья заморского, растирали травами лечебными. Открыл глаза Алёша, встал на ноги, на ногах стоит-шатается.

Еким Иванович от радости сам не свой.

Снял он с Алёши платье Тугарина, одел его в богатырские доспехи, отдал калике его добро. Посадил Алёшу на коня, сам рядом пошёл: Алёшу поддерживает.

Только у самого Киева Алёша в силу вошёл.

Подъехали они к Киеву в воскресенье, к обеденной поре. Заехали на княжеский двор, соскочили с коней, привязали их к дубовым столбам и вошли в горницу.

Князь Владимир их ласково встречает.

— Здравствуйте, гости милые, вы откуда ко мне приехали? Как зовут вас по имени, величают по отчеству?

— Я из города Ростова, сын собóрного попа Леонтия. А зовут меня Алёшей Поповичем. Ехали мы чистой степью, повстречали Тугарина Змеевича, он теперь у меня в тороках висит.

Обрадовался Владимир-князь:

— Ну и богатырь ты, Алёшенька! Куда хочешь за стол садись: хочешь — рядом со мной, хочешь — против меня, хочешь — рядом с княгинею.

Алёша Попович не раздумывал, сел он рядом с княгинею. А Еким Иванович у печки стал.

Крикнул князь Владимир прислужников:

— Развяжите Тугарина Змеевича, принесите сюда в горницу! Только Алёша взялся за хлеб, за соль — растворились двери гостиницы, внесли двенадцать конюхов на золотой доске Тугарина, посадили рядом с князем Владимиром.

¹ Пáлица – тяжёлая дубинка с утолщенным концом, употреблявшаяся в старину как ударное или метательное оружие.

Прибежали стóльники¹, принесли жареных гусей, лебедей, принесли ковши мёду сладкого.

А Тугарин неучтиво себя ведёт, невежливо. Ухватил лебёдушку и с костями съел, по ковриге целой за щеку запихивает. Сгрёб пироги сдобные да в рот побросал, за один дух десять ковшей мёду в глотку льёт.

Не успели гости кусочка взять, а уже на столе только косточки.

Нахмурился Алёша Попович и говорит:

— У моего батюшки попа Леонтия была собака старая и жадная. Ухватила она большую кость да и подавилась. Я её за хвост схватил, под гору метнул — то же будет от меня Тугарину.

Потемнел Тугарин, как осенняя ночь, выхватил острый кинжал и метнул его в Алёшу Поповича.

Тут бы Алёше и конец пришёл, да вскочил Еким Иванович, на лету кинжал перехватил.

— Братец мой, Алёша Попович, сам изволишь в него нож бросать или мне позволишь?

— И сам не брошу, и тебе не позволю: неучтиво у князя в горнице ссору вести. А переведаюсь я с ним завтра в чистом поле, и не быть Тугарину живому завтра к вечеру.

Зашумели гости, заспорили, стали заклад держать, всё за Тугарина ставят — и корабли, и товары, и деньги.

За Алёшу ставят только княгиня Апраксия да Еким Иванович.

Встал Алёша из-за стола, поехал с Екимом в свой шатёр на Сафат-реке. Всю ночь Алёша не спит, на небо смотрит, подзывает тучу грозовую, чтоб смочила дождём Тугариновы крылья. Утром-светом прилетел Тугарин, над шатром вьётся, хочет сверху ударить. Да не зря Алёша не спал: налетела туча громовая, грозовая,

¹ Стóльник — должностное лицо государей.

пролилась дождём, смочила Тугаринову коню могучие крылья. Грянулся конь наземь, по земле поскакал.

Алёша крепко в седле сидит, острой сабелькой помахивает.

Заревел Тугарин так, что лист с деревьев посыпался:

— Тут тебе, Алёшка, конец: захочу — огнём спалю, захочу — конём потопчу, захочу — копьём заколю!

Подъехал к нему Алёша поближе и говорит:

— Что же ты, Тугарин, обманываешь?! Бились мы с тобой об заклад, что один на один силой померяемся, а теперь за тобой стоит сила несметная!

Оглянулся Тугарин назад, хотел посмотреть, какая сила за ним стоит, а Алёше только того и надобно. Взмахнул острой саблей и отсёк ему голову!

Покатилась голова на землю, как пустой котёл, загудела земля-матушка! Соскочил Алёша, хотел взять голову, да не мог от земли на вершок поднять. Крикнул Алёша Попович зычным голосом:

— Эй вы, верные товарищи, помогите голову Тугарина с земли поднять!

Подъехал Еким Иванович с товарищами, помог Алёше Поповичу голову Тугарина на богатырского коня взвалить.

Как приехали они к Киеву, заехали на княжеский двор, бросили среди двора чудище.

Вышел князь Владимир с княгиней, приглашал Алёшу за княжеский стол, говорил Алёше ласковые слова:

— Живи ты, Алёша, в Киеве, послужи мне, князю Владимиру. Я тебя, Алёша, пожалую.

Остался Алёша в Киеве дружинником.

Так про молодого Алёшу старину поют, чтобы добрые люди слушали:

Наш Алёша роду поповского,

Он и храбр и умен, да нравом сварлив.

Он не так силен, как напуском смел.

Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча

Жила-была под Киевом вдова Мамелфа Тимофеевна. Был у неё любимый сын – богатырь Добрынюшка. По всему Киеву о Добрыне слава шла: он и статен, и высок, и грамоте обучен, и в бою смел, и на пиру весел. Он и песню сложит, и на гусях сыграет, и умное слово скажет. Да и нрав Добрыни спокойный, ласковый. Никого он не заругает, никого зря не обидит. Недаром прозвали его «тихий Добрынюшка».

Вот раз в жаркий летний день захотелось Добрыне в речке искупаться. Пошёл он к матери Мамелфе Тимофеевне:

– Отпусти меня, матушка, съездить к Пучай-реке, в студёной воде искупаться, – истомила меня жара летняя.

Разохалась Мамелфа Тимофеевна, стала Добрыню отговаривать:

– Милый сын мой Добрынюшка, ты не ездь к Пучай-реке. Пучай-река свирепая, сердитая. Из первой струйки огонь сечёт, из второй струйки искры сыплются, из третьей

струйки дым столбом валит.

– Хорошо, матушка, отпусти хоть по берегу поездить, свежим воздухом подышать.

Отпустила Добрыню Мамелфа Тимофеевна.

Надел Добрыня платье дорожное, покрылся высокой шляпой греческой, взял с собой копье да лук со стрелами, саблю острую да плёточку.

Сел на доброго коня, позвал с собой молодого слугу да в путь и отправился. Едет Добрыня час-другой; жарко палит солнце летнее, припекает Добрыне голову. Забыл Добрыня, что ему матушка наказывала, повернул коня к Пучай-реке.

От Пучай-реки прохладой несёт.

Соскочил Добрыня с коня, бросил поводья молодому слуге:

– Ты постой здесь, покарауль коня.

Снял он с головы шляпу греческую, снял одежду дорожную, всё оружие на коня сложил и в реку бросился.

Плывёт Добрыня по Пучай-реке, удивляется:

– Что мне матушка про Пучай-реку рассказывала? Пучай-река не свирепая, Пучай-река тихая, словно лужица дождевая.

Не успел Добрыня сказать – вдруг потемнело небо, а тучи на небе нет, и дождя-то нет, а гром гремит, и грозы-то нет, а огонь блестит...

Поднял голову Добрыня и видит, что летит к нему Змей Горыныч, страшный змей о трёх головах, о семи когтях, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, медные когти на лапах блестят.

Увидал Змей Добрыню, громом загремел:

– Эх, старые люди пророчили, что убьёт меня Добрыня Никитич, а Добрыня сам в мои

лапы пришёл. Захочу теперь – живым сожру, захочу – в своё логово унесу, в плен возьму. Немало у меня в плену русских людей, не хватало только Добрыни.

А Добрыня говорит тихим голосом:

– Ах ты, змея проклятая, ты сначала возьми Добрынюшку, потом и хвастайся, а пока Добрыня не в твоих руках.

Хорошо Добрыня плавать умел; он нырнул на дно, поплыл под водой, вынырнул у крутого берега, выскочил на берег да к коню своему бросился. А коня и след простыл: испугался молодой слуга рыка змеиного, вскочил на коня, да и был таков. И увёз всё оружие Добрынине.

Нечем Добрыне со Змеем Горынычем биться.

А Змей опять к Добрыне летит, сыплет искрами горячими, жжёт Добрыне тело белое.

Дрогнуло сердце богатырское.

Поглядел Добрыня на берег, – нечего ему в руки взять: ни дубинки

нет, ни камешка, только жёлтый песок на крутом берегу, да валяется его шляпа греческая.

Ухватил Добрыня шляпу греческую, насыпал в неё песку жёлтого ни много ни мало – пять пудов¹ да как ударит шляпой Змея Горыныча – и отшиб ему голову.

Повалил он Змея с размаху на землю, придавил ему грудь коленками, хотел отбить ещё две головы...

Как взмолился тут Змей Горыныч:

– Ох, Добрынюшка, ох, богатырь, не убивай меня, пусти по свету летать, буду я всегда тебя слушаться! Дам тебе я великий обёт²: не летать мне к вам на широкую Русь, не брать в плен русских людей. Только ты меня помилуй, Добрынюшка, и не трогай моих змеёнышей.

Поддался Добрыня на лукавую³ речь, поверил Змею Горынычу, отпустил его, проклятого.

Только поднялся Змей под облака, сразу повернул к Киеву, полетел к саду князя Владимира. А в ту пору в саду гуляла молодая Забава Путятишна, князя Владимира племянница.

Увидал Змей княжну, обрадовался, кинулся на неё из-под облака, ухватил в свои медные когти и унёс на горы Сорочинские.

В это время Добрыня слугу нашёл, стал надевать платье дорожное, – вдруг потемнело небо, гром загремел. Поднял голову Добрыня и видит: летит Змей Горыныч из Киева, несёт в когтях Забаву Путятишну!

Тут Добрыня запечалился – запечалился, закручинился, домой приехал нерадостен, на лавку сел, слова не сказал. Стала его мать расспрашивать:

¹ Пуд – русская мера веса, равная 16,38 кг.

² Обёт – обещание.

³ Лукавый – хитрый.

– Ты чего, Добрынюшка, невесел сидишь? Ты об чём, мой свет, печалишься?

– Ни об чём не кручинюсь, ни об чём я не печалюсь, а дома мне сидеть невесело. Поеду я в Киев к князю Владимиру, у него сегодня весёлый пир.

– Не езжай, Добрынюшка, к князю, недоброе чует моё сердце. Мы и дома пир заведём.

Не послушался Добрыня матушки и поехал в Киев к князю Владимиру.

Приехал Добрыня в Киев, прошёл в княжескую горницу. На пиру столы от кушаний ломятся, стоят бочки мёда сладкого, а гости не едят, не льют, опустив головы сидят.

Ходит князь по горнице, гостей не потчует. Княгиня фатой закрылась, на гостей не глядит.

Вот Владимир-князь и говорит:

– Эх, гости мои любимые, невесёлый у нас пир идёт! И княгине горько, и мне нерадостно. Унёс проклятый Змей Горыныч любимую нашу племянницу, молодую Забаву Путятишну. Кто из вас съездит на гору Сорочинскую, отыщет княжну, освободит её?

Куда там! Прячутся гости друг за дружку: большие – за средних, средние – за меньших, а меньшие и рот закрыли.

Вдруг выходит из-за стола молодой богатырь Алёша Попович.

– Вот что, князь Красное Солнышко, был я вчера в чистом поле, видел у Пучай-реки Добрынюшку. Он со Змеем Горынычем побратался, назвал его братом меньшим. Ты пошли к Змею Добрынюшку. Он тебе любимую племянницу без бою у названного братца выпросит.

Рассердился Владимир-князь:

– Коли так, садись, Добрыня, на коня, поезжай на гору Сорочинскую, добывай мне любимую племянницу. А не добудешь Забавы Путятишны, – прикажу тебе голову срубить!

Опустил Добрыня буйну голову¹, ни словечка не ответил, встал из-за стола, сел на коня и домой поехал.

Вышла ему навстречу матушка, видит – на Добрыне лица нет.

– Что с тобой, Добрынюшка, что с тобой, сынок, что на пиру случилось? Обидели тебя, или чарой обнесли, или на худое место посадили?

– Не обидели меня и чарой не обнесли, и место мне было по чину, по званию.

– А чего же ты, Добрыня, голову повесил?

– Велел мне Владимир-князь сослужить службу великую: съездить на гору Сорочинскую, отыскать и добыть Забаву Путятишну. А Забаву Путятишну Змей Горыныч унёс.

Ужаснулась Мамелфа Тимофеевна, да не стала плакать и печалиться, а стала над делом раздумывать.

– Ложись-ка, Добрынюшка, спать поскорей, набирайся силушки. Утро вечера мудреней², завтра будем совет держать.

Лёг Добрыня спать. Спит, храпит, что поток шумит. А Мамелфа Тимофеевна спать не ложится, на лавку садится и плетёт всю ночь из семи шелков плёточку-семихвосточку.

Утром-светом разбудила мать Добрыню Никитича:

– Вставай, сынок, одевайся, обряжайся, иди в старую конюшню. В третьем стойле дверь не открывается, не под силу нам была дверь дубовая. Понатужься, Добрынюшка,

¹ Опустил буйну голову – это значит он принял решение, но ему тяжело.

² Утро вечера мудренее (поговорка) – утреннее решение будет правильнее; лучше отложить до утра.

отвори дверь, там увидишь дедова коня Бурушку. Стоит Бурка в стойле пятнадцать лет не обихоженный. Ты его почисти, накорми, напои, к крыльцу приведи.

Пошёл Добрыня в конюшню, сорвал дверь с петель, вывел Бурушку на белый свет, почистил, выкупал, привёл ко крыльцу. Стал Бурушку засёдлывать. Положил на него потничек, сверху потничка – войлочек, потом седло черкасское, ценными шелками вышитое, золотом изукрашенное, подтянул двенадцать подпруг, зауздal золотой уздой. Вышла Мамелфа Тимофеевна, подала ему плётку-семихвостку:

– Как приедешь, Добрыня, на гору Сорочинскую, Змея Горыныча дома не случится. Ты конём налети на логово и начни топтать змеёнышей. Будут змеёныши Бурке ноги обвивать, а ты Бурку плёткой меж ушей хлещи. Станет Бурка подскакивать, с ног змеёнышей отряхивать и всех притопчет до единого.

Отломилась веточка от яблони, откатилось яблоко от яблоньки, уезжал сын от родимой матушки на трудный, на кровавый бой.

День уходит за днём, будто дождь дождит, а неделя за неделей как река бежит. Едет Добрыня при красном солнышке, едет Добрыня при светлом месяце, выехал на гору Сорочинскую.

А на горе у змеиногo логова кишмя-кишат змеёныши. Стали они Бурушке ноги обвивать, стали копыта подтачивать. Бурушка скакать не может, на колени падает.

Вспомнил тут Добрыня наказ матери, выхватил плётку семи шелков, стал Бурушку меж ушами бить, приговаривать:

– Скачи, Бурушка, подскакивай, прочь от ног змеёнышей отряхивай.

От плётки у Бурушки силы прибыло, стал он высоко скакать, за версту камешки откидывать, стал прочь от ног змеёнышей отряхивать. Он их копытом бьёт и зубами рвёт и притоптал всех до единого.

Сошёл Добрыня с коня, взял в правую руку саблю острую, в левую – богатырскую палицу и пошёл к змеиным пещерам.

Только шаг ступил – потемнело небо, гром загремел, – летит Змей Горыныч, в когтях мёртвое тело держит. Из пасти огонь сечёт, из ушей дым валит, медные когти как жар горят...

Увидал Змей Добрынюшку, бросил мёртвое тело наземь, зарычал громким голосом:

– Ты зачем, Добрыня, наш обет сломал, потоптал моих детёнышей?

– Ах ты, змея проклятая! Разве я слово наше нарушил, обет сломал? Ты зачем летал, Змей, к Киеву, ты зачем унёс Забаву Путятишну?! Отдавай мне княжну без боя, так я тебя прощу.

– Не отдам я Забаву Путятишну, я её сожру, и тебя сожру, и всех русских людей в полон возьму!

Рассердился Добрыня и на Змея бросился.

И пошёл тут жестокий бой.

Горы Сорочинские посыпались, дубы с корнями вывернулись, трава на аршин¹ в землю ушла...

Бьются они три дня и три ночи. Стал Змей Добрыню одолевать, стал подкидывать, стал подбрасывать... Вспомнил тут Добрыня про плёточку, выхватил её и давай Змея между ушей стегать. Змей Горыныч на колени упал, а Добрыня его левой рукой к земле прижал, а правой рукой плёткой охаживает. Бил, бил его плёткой шелковой, отрубил все головы.

Хлынула из Змея чёрная кровь, разлилась к востоку и к западу, залила Добрыню до пояса.

Трое суток стоит Добрыня в чёрной крови, стынут его ноги, холод до сердца добирается. Не хочет русская земля змеиную кровь принимать.

Видит Добрыня, что ему конец пришёл, вынул плёточку семи шелков, стал землю хлестать, приговаривать:

¹ Аршин – русская мера длины, равная 0,71 метра.

– Расступись ты, мать сыра земля, и пожри́ кровь змеиную. Расступилась сырая земля и пожрала́ кровь змеиную. Отдохнул Добрыня Никитич, вымылся, пообчистил доспехи богатырские и пошёл к змеиным пещерам. Все пещеры медными дверями затворены, железными засовами заперты, золотыми замками увешаны.

Разбил Добрыня медные двери, сорвал замки и засовы, зашёл в первую пещеру. А там видит людей несметное число с сорока земель, с сорока стран, в два дня не сосчитать. Говорит им Добрынюшка:

– Эй же вы, люди иноземные и воины чужестранные! Выходите на вольный свет, разъезжайтесь по своим местам да вспоминайте русского богатыря. Без него вам бы век сидеть в змеином плену.

Стали выходить они на волю, до земли Добрыне кланяться:

– Век мы тебя помнить будем, русский богатырь!

А Добрыня дальше идёт, пещеру за пещерой открывает, пленных людей освобождает. Выходят на свет и старики и молодушки, детки малые и бабки старые, русские люди и из чужих стран, а Забавы Путятишны нет как нет.

Так прошёл Добрыня одиннадцать пещер, а в двенадцатой нашёл

Забаву Путятишну: висит княжна на сырой стене, за руки золотыми цепями прикована. Оторвал цепи Добрынюшка, снял княжну со стены, взял на руки, на вольный свет из пещеры вынес.

А она на ногах стоит-шатается, от света глаза закрывает, на Добрыню не смотрит. Уложил её Добрыня на зелёную траву, накормил, напоил, плащом прикрыл, сам отдохнуть прилёг.

Вот скатилось солнце к вечеру, проснулся Добрыня, оседлал Бурушку и разбудил княжну. Сел Добрыня на коня, посадил Забаву впереди себя и в путь тронулся. А кругом народу и счёту

нет, все Добрыне в пояс кланяются, за спасение благодарят, в свои земли спешат.

Выехал Добрыня в жёлтую степь, пришпорил коня и повёз Забаву Путятишну к Киеву.

Пётр Ершов

Сказка «Конёк-горбунок»

Часть 1

Начинается сказка сказываться...

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе – на земле
Жил старик в одном селе.
У крестьянина три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать –
Как бы вора соглядать¹.

¹ Соглядать – подсмотреть.

Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.
Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться.
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник¹.

Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождём я весь промок
С головы до самых ног».

Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;

¹ **Сенник** – сарай для сена, сеновал.

На моё ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмѣ¹ и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом».

Стало сѣзнова² смеркаться;
Средний брат пошёл сбираться.
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
«Эй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз,
До животиков промёрз³».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:

¹ **Ливмѣ** – (разг.) лить очень сильно, долго, не прекращаясь (о дожде).

² **Сѣзнова** – снова

³ **До животов промёрз** – (устар.) очень сильно замёрзнуть.

Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да, к моей судьбе несчастной,
Ночью холод был ужасный,
До сердцов меня пробрал;
Всю я ночку проскакал;
Слишком было несподручно¹...
Впрочем, всё благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведёт.
На печи в углу поёт
Изо всей дурацкой мочи²:
«Распрекрасные вы очи!...»
Братья ну ему пенять³,
Стали в поле погонять,
Но сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошёл к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша.
Я куплю тебе лубков⁴,
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,

¹ **Несподручно** – (разг.) не подходит, не годится; неудобно, неловко.

² **Мочи** – ударение, громко.

³ **Пенять** – укорять.

⁴ **Лубки** – здесь: ярко раскрашенные картинки.

Малах́ай¹ свой надевает,
Хлеб за пазуху кладёт,
Караул держать идёт.
Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом:
Звёзды на небе считает
Да краюшку уплетает.

Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая,
«Эхе-хе! Так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, мину́ту улуча́²,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И садится на хребет –
Только задом наперёд.
Кобылица молодая,
О́чью³ бешено сверкая,

¹ Малах́ай – длинная широкая одежда без пояса.

² Улуча́ – находить (найти), выбрать удобное, подходящее для чего-либо время.

³ О́чью – (устар.) око, глаз.

Змеем голову свила
И пустилась, как стрела.
Вьётся кругом над полями,
Виснет плáстью¹ надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном.
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.
Наконец она устала.
«Ну, Иван, — ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною
Сколько согласишь. Да смотри,
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да ещё рожу конька
Ростом только в три вершка²,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными³ ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай

¹ **Плáстью** — пластом.

² **Вершок** — русская мера длины, равная 4,4 см.

³ **Арш́ин** — старорусская единица измерения длины.

1 аршин = 1/3 сажени = 4 четверти = 16 вершков = 28 дюймов = 0,7112 м.

Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку¹.
На земле и под землёй
Он товарищ будет твой;
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет;
В голод хлебом угостит,
В жажду мёдом² напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно», — думает Иван
И в пастуший балагáн³
Кобылицу загоняет,
Дверь рогóжей⁴ закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
«Ходил молодец на Прёсню⁵».
Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо⁶,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно так?» —

¹ **Ба́бка** — игральная кость.

² **Мёд** — медовый напиток с добавлением хмеля и пряностей.

³ **Балагáн** — шалаш, загон с навесом.

⁴ **Рогóжа** — грубый плетёный из мочала материал для упаковки.

⁵ **Прёсня** — район в центре Москвы.

⁶ **Кольцо́** — железная круглая ручка у дверей, была соединена с запором.

«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать,
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведёт оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звёзды на небе считал;
Месяц, ровно, тоже светил, —
Я, порядком, не заметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бороною и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то что те плóшки!¹
Вот и стал тот чёрт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею
И вскочил ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал,
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его как в жомах².
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,

¹ **Плóшка** — большая круглая плоская посуда с салом и фитилём; горячей плошкой освещали помещение. Крупные глаза сравниваются с горячей плошкой: «А глаза-то что те плошки».

² **Жом** — пресс для выжимания, отжимания.

Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертёнку и поверил».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли – захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не смог сдержаться,
Чтоб до слёз не посмеяться,
Хоть смеяться, так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало –
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, –
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.

Братья Гримм

Сказка «Соломинка, уголь и боб»

Жила-была одна старушка, старая-престарая. Восемьдесят лет ей было. Пошла старушка на огород, собрала целое блюдо бобов и решила их сварить. «Вот, — думает, — сварю бобы и пообедаю».

Растопила она печь и, чтобы огонь разгорелся получше, подбросила в топку пучок соломы. А потом стала сыпать в горшок бобы.

Вот тут-то всё и началось.

Когда сыпала она бобы в горшок, один боб взял, да и упал на пол.

Упал и лежит рядом с соломинкой.

И сюда же, на пол, выскочил из печки

раскалённый уголёк.

Вот соломинка и говорит:

— Милые друзья, откуда вы здесь?

— Я, — отвечает уголёк, — из печки. Если бы, — говорит, — я оттуда не выскочил, я бы пропал: пришлось бы мне сгореть и рассыпаться золóй.

А боб говорит:

— И мне посчастливилось, что я сюда упал. А то пришлось бы мне, как и другим моим приятелям-бобам, в кашу развариться.

А соломинка говорит:

— И я рада, что в печку не попала, а здесь лежу.

— Ну, а что же мы теперь делать будем? — спрашивает уголёк.

— Я думаю, — сказал боб, — вот что. Пойдёмте-ка путешествовать.

— Пойдём, пойдём! — сказали уголёк и соломинка.

И пошли они вместе — боб, соломинка и уголёк — путешествовать. Долго шли и пришли к ручейку.

Ручеёк маленький, узенький, а перебраться через него трудно — мостика нет. Как тут быть?

Подумала соломинка и говорит:

— Мы вот что сделаем: я перекинусь с бережка на бережок, а вы по мне переправитесь, как по мосту.

Так они и сделали. Перекинулась соломинка с берега на берег, и первым побежал по

ней

уголёк. Бежит, как по мосту. Добежал до середины, слышит — плещет внизу вода. Стало ему страшно, остановился он и кричит:

— Боюсь воды, боюсь воды!

А пока он стоял и кричал, соломинка от него загорелась, распалась на две части и полетела в ручей. Уголёк тоже упал в воду, зашипел:

«Тону, спасите!» — и пошёл ко дну.

А боб осторожней был — он на берегу остался. Остался на

берегу и давай смеяться над угольком и соломинкой.

Смеялся он, смеялся, да и лопнул от смеха.

Плохо бы ему пришлось, но, на его счастье, сидел на берегу бродячий портной. Достал портной нитки и сшил обе половинки боба.

А так как у портного белых ниток с собой не было, зашил он боб чёрной ниткой. С тех пор у всех бобов чёрный шов посередине.

Сказка «Горшочек каши»

Жила-была одна девочка. Пошла девочка в лес за ягодами и встретила там старушку.

— Здравствуй, девочка, — сказала ей старушка. — Дай мне ягод, пожалуйста.

— На, бабушка, — говорит девочка. Поела старушка ягод и сказала:

— Ты мне ягод дала, а я тебе тоже что-то подарю. Вот тебе горшочек.

Стоит тебе только сказать:

— Раз, два, три,
Горшочек, вари!

И он начнет варить вкусную, сладкую кашу. А скажешь ему:

— Раз, два, три,

Больше не вари!

И он перестанет варить.

— Спасибо, бабушка, — сказала девочка, взяла горшочек и пошла домой, к матери.

Обрадовалась мать этому горшочку. Да и как не радоваться? Без труда и хлопот всегда на обед вкусная, сладкая каша готова.

Вот однажды ушла девочка куда-то из дому, а мать поставила горшочек перед собой и говорит:

— Раз, два, три,
Горшочек, вари!

Он и начал варить. Много каши наварил. Мать поела, сыта стала. А горшочек всё варит и варит кашу. Как его остановить?

Нужно было сказать:

— Раз, два, три,
Больше не вари!

Да мать забыла эти слова, а девочки дома не было. Горшочек варит и варит. Уж вся комната полна каши, уж и в прихожей каша, и на крыльце каша, и на улице каша, а он всё варит и варит.

Испугалась мать, побежала за девочкой, да не перебраться ей через дорогу — горячая каша рекой течёт.

Хорошо, что девочка недалеко от дома была. Увидала она, что на улице делается, и бегом побежала домой.

Кое-как взобралась на крылечко,

открыла дверь и крикнула:

— Раз, два, три,
Больше не вари!

И перестал горшочек варить кашу. А наварил он её столько, что тот, кому приходилось из деревни в город ехать, должен был себе в каше дорогу проедать.

Только никто на это не жаловался. Очень уж вкусная и сладкая была каша.

Ханс Кристиан Андерсен

Сказка «Ёлка»

В лесу стояла чудесная ёлочка. Место у неё было хорошее, воздуха и света вдоволь. Кругом росли подруги постарше — и ели и сосны. Ёлочке ужасно хотелось поскорее вырасти. Она не думала ни о тёплом солнышке, ни о свежем воздухе, не было ей дела и до болтливых крестьянских ребятишек, что собирали в лесу землянику и малину; набрав полные кружки или нанизав ягоды, словно бусы, на тонкие прутья, они присаживались под ёлочку отдохнуть и всегда говорили:

— Вот славная ёлочка! Хорошенькая, маленькая!

Таких речей деревцо и слушать не хотело. Прошёл год — и у ёлочки прибавилось одно коленце, прошёл ещё год — прибавилось ещё одно: так по числу коленцев и можно узнать, сколько лет ели.

— Ах, если бы я была такой же большой, как другие деревья! — вздыхала ёлочка. — Тогда бы, и я широко раскинула свои ветви, высоко подняла голову, и мне бы видно было далеко-далеко вокруг! Птицы свили бы в моих ветвях гнёзда, и я при ветре так же важно кивала бы головой, как другие!

И ни солнышко, ни пение птичек, ни розовые утренние и вечерние облака не доставляли ей ни малейшего удовольствия.

Стояла зима. Земля была устлана сверкающим снежным ковром. По снегу нет-нет да пробежал заяц и иногда даже перепрыгивал через ёлочку — вот обида! Но прошло ещё две зимы, и к третьей деревцо подросло уже настолько, что зайцу приходилось обходить его.

«Да, расти, расти и поскорее сделаться большим, старым деревом — что может быть лучше этого!» — думалось ёлочке.

Каждую осень в лесу появлялись дровосеки и рубили самые большие деревья. Ёлочка каждый раз дрожала от страха при виде падавших на землю с шумом и треском огромных деревьев. Их очищали от ветвей, и они валялись на земле такими голыми, длинными и тонкими. Едва можно было узнать их! Потом их укладывали на дровни¹ и увозили из леса.

Куда? Зачем?

Весною, когда прилетели ласточки и аисты, деревцо спросило у них:

— Не знаете ли, куда повезли те деревья? Не встречали ли вы их?

Ласточки ничего не знали, но один из аистов подумал, кивнул головой и сказал:

— Да, пожалуй! Я встречал на море, по пути из Египта, много новых кораблей с великолепными, высокими мачтами. От них пахло елью и сосной. Вот где они!

— Ах, поскорей бы и мне вырасти да пуститься в море! А каково это море, на что оно похоже?

— Ну, это долго рассказывать! — отвечал аист и улетел.

— Радуйся своей юности! — говорили ёлочке солнечные лучи. — Радуйся своему здоровому росту, своей молодости и жизненным силам!

И ветер целовал дерево, роса пролиwała над ним слёзы, но ель ничего этого не ценила.

Около Рождества срубили несколько совсем молоденьких ёлок. Некоторые из них были даже меньше нашей ёлочки, которой так хотелось скорее вырасти. Все срубленные деревца были прехорошенькие. Их не очищали от ветвей, а прямо уложили на дровни и увезли из леса.

— Куда? — спросила ель. — Они не больше меня, одна даже меньше. И почему на них оставили все ветви? Куда их повезли?

— Мы знаем! Мы знаем! — прочирикали воробьи. — Мы были в городе и заглядывали в окна! Мы знаем, куда их повезли! Они попадут в такую честь, что и сказать нельзя! Мы заглядывали в окна и видели! Их ставят посреди тёплой комнаты и украшают чудеснейшими вещами, золочёными яблоками, медовыми пряниками и множеством свечей!

¹ **Др́овни** — крестьянские сани без кузова. Запрягались лошастью. Использовались как средство для перевозки дров, леса и других грузов, иногда людей.

— А потом?.. — спросила ель, дрожа всеми ветвями. — А потом?.. Что было с ними потом?

— А больше мы ничего не видали! Но это было бесподобно!

— Может быть, и я пойду такую же блестящую дорогой! — радовалась ель. — Это получше, чем плавать по морю! Ах, я просто изнываю от тоски и нетерпения! Хоть бы поскорее пришло Рождество! Теперь и я стала такую же высокою и раскидистою, как те, что были срублены прошлый год! Ах, если б я уже лежала на дровнях! Ах, если б я уже стояла разубранною всеми этими прелестями, в тёплой комнате! А потом что?..

Потом, верно, будет ещё лучше, иначе зачем бы и наряжать меня!.. Только что именно будет? Ах, как я тоскую и рвусь отсюда! Просто и сама не знаю, что со мной!

— Радуйся нам! — сказали ей воздух и солнечный свет. — Радуйся своей юности и лесному приволью!

Но она и не думала радоваться, а всё росла да росла. И зиму, и лето стояла она в своём зелёном уборе, а все, кто видел её, говорили: «Вот чудесное деревцо!» Подошло наконец и Рождество, и ёлочку срубили первую. Жгучая боль и тоска не дали ей даже подумать о будущем счастье. Грустно было расставаться с родным лесом, с тем уголком, где она выросла, — она ведь знала, что никогда больше не увидит своих милых подруг — елей и сосен, кустов, цветов, а может быть, даже и птичек! Как тяжело, как грустно!..

Деревцо пришло в себя только тогда, когда очутилось вместе с другими деревьями на дворе и услышало возле себя чей-то голос:

— Чудесная ёлка! Такую-то нам и нужно!

Явились двое разодетых слуг, взяли ёлку и внесли её в огромную, великолепную залу. По стенам висели портреты, а на большой кафельной печке стояли китайские вазы со львами на крышках.

Повсюду были расставлены кресла-качалки, обитые шёлком диваны и большие столы, заваленные альбомами, книжками и игрушками на несколько сот дáлеров¹ — так по крайней мере говорили дети.

Ёлку посадили в большую кадку с песком, обвернули кадку зелёною материей и поставили на пёстрый ковёр. Как трепетала ёлочка! Что-то теперь будет? Явились слуги, и молодые девушки и стали наряжать её. Вот на ветвях повисли набитые сладостями маленькие сетки, вырезанные из цветной бумаги, выросли золочёные яблоки и орехи и закачались куклы — ни дать, ни взять живые человечки; таких ёлка ещё не видывала. Наконец к ветвям прикрепили сотни разноцветных маленьких свечек — красных, голубых, белых, а к самой верхушке ели — большую звезду из сусального² золота. Ну, просто глаза разбегались, глядя на всё это великолепие!

— Как заблестит, засияет ёлка вечером, когда зажгутся свечки! — сказали все.

«Ах! — подумала ёлка. — Хоть бы поскорее настал вечер и зажгли свечки! А что же будет потом? Не явятся ли сюда из лесу, чтобы полюбоваться на меня, другие деревья? Не прилетят ли к окошкам воробы? Или, может быть, я вращу в эту кадку и буду стоять тут такой нарядной и зиму, и лето?»

Да, много она знала!.. От напряжённого ожидания у неё даже заболела кора, а это для дерева так же неприятно, как для нас головная боль.

Но вот зажглись свечи. Что за блеск, что за роскошь! Ёлка задрожала всеми ветвями, одна из свечек подпалила зелёные иглы, и ёлочка пребольно обожглась.

¹ **Дáлер** — денежная счётная единица Швеции с 1604 по 1776 год.

² **Сусальное золото** (сусаль) — тончайшие листы золота, которые обычно используются в декоративных целях. Наклеиваются на поверхность, создавая впечатление, что предмет полностью сделан из золота.

— Ай-ай! — закричали барышни и поспешно затушили огонь.

Больше ёлка дрожать не смела. И напугалась же она! Особенно потому, что боялась лишиться хоть малейшего из своих украшений. Но весь этот блеск просто ошеломлял её. Вдруг обе половинки дверей распахнулись, и ворвалась целая толпа детей. Можно было подумать, что они намеревались свалить дерево! За ними степенно вошли старшие. Малыши остановились как вкопанные, но лишь на минуту, а потом поднялся такой шум и гам, что просто в ушах звенело. Дети плясали вокруг ёлки, и мало-помалу все подарки с неё были сорваны.

«Что же это они делают? — думала ёлка. — Что это значит?»

Свечки догорели, их потушили, а детям позволили ободрать дерево. Как они набросились на него! Только ветви затрещали! Не будь верхушка с золотой звездой крепко привязана к потолку, они бы повалили ёлку.

Потом дети опять принялись плясать, не выпуская из рук своих чудесных игрушек. Никто больше не глядел на ёлку, кроме старой няни, да и та высматривала только, не осталось ли где в ветвях яблочка или финика.

— Сказку! Сказку! — закричали дети и подтащили к ёлке маленького, толстенького человека.

Он уселся под деревом и сказал:

— Вот мы и в лесу! Да и ёлка кстати послушает! Но я расскажу только одну сказку! Какую хотите: про Иведе-Аведе или про Клумпе-Думпе, который, хоть и свалился с лестницы, всё-таки прославился и добыл себе принцессу?

— Про Иведе-Аведе! — закричали одни.

— Про Клумпе-Думпе! — кричали другие.

Поднялся крик и шум; одна ёлка стояла смирно и думала: «А мне разве нечего больше делать?»

Она уж сделала своё дело!

И толстенький человек рассказал про Клумпе-Думпе, который, хоть и свалился с лестницы, всё-таки прославился и добыл себе принцессу.

Дети захлопали в ладоши и закричали:

— Ещё, ещё! — Они хотели послушать и про Иведе-Аведе, но остались при одном Клумпе-Думпе.

Тихо, задумчиво стояла ёлка, — лесные птицы никогда не рассказывали ничего подобного. «Клумпе-Думпе свалился с лестницы, и всё же ему досталась принцесса! Да, вот что бывает на белом свете!» — думала ёлка. Она вполне верила всему, что сейчас слышала, — рассказывал ведь такой почтенный человек. «Да, да, кто знает! Может быть, и мне придётся свалиться с лестницы, а потом и я стану принцессой!» И она с радостью думала о завтрашнем дне: её опять украсят свечками и игрушками, золотом и фруктами! «Завтра уж я не задрожу! — думала она. — Я хочу, как следует насладиться своим великолепием! И завтра я опять услышу сказку про Клумпе-Думпе, а может статься, и про Иведе-Аведе». И деревцо смирно простояло всю ночь, мечтая о завтрашнем дне.

Путру явились слуги и горничная. «Сейчас опять начнут меня украшать!» — подумала ёлка, но они вытащили её из комнаты, поволокли по лестнице и сунули в самый тёмный угол чердака, куда даже не проникал дневной свет.

«Что же это значит? — думала ёлка. — Что мне здесь делать? Что я тут увижу и услышу?» И она прислонилась к стене и всё думала, думала... Времени на это было довольно: проходили дни и ночи — никто не заглядывал к ней. Раз только пришли люди поставить на чердак какие-то ящики. Дерево стояло совсем в стороне, и о нём, казалось, забыли.

«На дворе зима! — думала ёлка. — Земля затвердела и покрылась снегом. Нельзя, значит, снова посадить меня в землю, вот и приходится постоять под крышей до весны! Как это умно придумано! Какие люди добрые! Не будь только здесь так темно и так ужасно пусто!.. Нет даже ни единого зайчика!.. А в лесу-то как было весело! Кругом снег, а по снегу зайчики скачут! Хорошо было... Даже когда они прыгали через меня, хоть меня это и сердило! А тут как пусто!»

— Пи-пи! — пискнул вдруг мышонок и выскочил из норки, за ним ещё один, маленький. Они принялись обнюхивать дерево и шмыгать меж его ветвями.

— Ужасно холодно здесь! — сказали мышата. — А то совсем бы хорошо было! Правда, старая ёлка?

— Я вовсе не старая! — отвечала ель. — Есть много деревьев постарше меня!

— Откуда ты и что ты знаешь? — спросили мышата. Они были ужасно любопытны. — Расскажи нам, где самое лучшее место на земле? Ты была там? Была ты когда-нибудь в кладовой, где на полках лежат сыры, а под потолком висят окорока́ и где можно плясать на сальных свечках? Туда войдёшь тощим, а выйдешь оттуда толстым!

— Нет, такого места я не знаю! — сказала дерево. — Но я знаю лес, где светит солнышко и поют птички!

И она рассказала им о своей юности. Мышата никогда не слыхали ничего подобного, выслушали рассказ ёлки и потом сказали:

— Как же ты много видела! Как ты была счастлива!

— Счастлива? — сказала ель и задумалась о том времени, о котором только что рассказывала. — Да, пожалуй, тогда мне жилось недурно!

Затем она рассказала им про тот вечер, когда была разубрана пряниками и свечками.

— О! — сказали мышата. — Как же ты была счастлива, старая ёлка!

— Я совсем ещё не старá! — возразила ёлка — Я взята из лесу только нынешнею зимой! Я в самой поре! Только что вошла в рост!

— Как ты чудесно рассказываешь! — сказали мышата и на следующую ночь привели с собой ещё четырёх, которым надо было послушать рассказы ёлки. А сама ель чем больше рассказывала, тем яснее припоминала своё прошлое, и ей казалось, что она пережила много хороших дней.

— Но они же вернутся! Вернутся! И Клумне-Думпе упал с лестницы, а всё-таки ему досталась принцесса! Может быть, и я сделаюсь принцессой!

Тут дерево вспомнило хорошенькую берёзку, что росла в лесной чаще неподалёку от него, — она казалась ему настоящей принцессой.

— Кто это Клумпе-Думпе? — спросили мышата, и ель рассказала им всю сказку. Она запомнила её слово в слово.

Мышата от удовольствия прыгали чуть не до самой верхушки дерева. На следующую ночь явилось ещё несколько мышей, а в воскресенье пришли даже две крысы. Этим сказка вовсе не понравилась, что очень огорчило мышат, но теперь и они перестали уже так восхищаться сказкою, как прежде.

— Вы только одну эту историю и знаете? — спросили крысы.

— Только! — отвечала ель. — Я слышала её в счастливейший вечер моей жизни. Тогда-то я, впрочем, ещё не сознавала этого!

— В высшей степени жалкая история! Не знаете ли вы чего-нибудь про жир или сальные свечки? Про кладовую?

— Нет! — ответило дерево.

— Так счастливо оставаться! — сказали крысы и ушли.

Мышата тоже разбежались, и ель вздохнула:

— А ведь славно было, когда эти резвые мышата сидели вокруг меня и слушали мои рассказы! Теперь и этому конец... Но уж теперь я не упущу своего, порадуюсь хорошенько, когда наконец снова выйду на белый свет!

Не так-то скоро это случилось!

Однажды утром явились люди прибрать чердак. Ящики были вытащены, а за ними и ель. Сначала её довольно грубо бросили на пол, потом слуга поволок её по лестнице вниз.

«Ну, теперь для меня начнётся новая жизнь!» — подумала ёлка.

Вот на неё повеяло свежим воздухом, блеснул луч солнца — ель очутилась на дворе. Всё это произошло так быстро, вокруг было столько нового и интересного для неё, что она не успела и поглядеть на самое себя. Двор примыкал к саду. В саду всё зеленело и цвело. Через изгородь перевешивались свежие благоухающие розы, липы были покрыты цветом, ласточки летали взад и вперёд и щебетали:

— Квир-вир-вит! Мой муж вернулся!

Но это не относилось к ели.

— Теперь я заживу! — радовалась она и расправляла свои ветви. Ах, как они поблёкли и пожелтели!

Дерево лежало в углу двора, в крапиве и сорной траве. На верхушке его всё ещё сияла золотая звезда.

Во дворе весело играли те самые ребята, что прыгали и плясали вокруг разубранной ёлки в сочельник¹. Самый младший увидел звезду и сорвал её.

— Поглядите-ка, что осталось на этой гадкой, старой ёлке! — крикнул он и наступил на её ветви; ветви захрустели. Ель посмотрела на молодую, цветущую жизнь вокруг, потом поглядела на самое себя и пожелала вернуться в свой тёмный угол на чердак. Вспомнились ей и молодость, и лес, и весёлый сочельник, и мышата, радостно слушавшие сказку про Клумпе-Думпе...

— Всё прошло, прошло! — сказала бедная ёлка. — И хоть бы я радовалась, пока было время! А теперь... всё прошло, прошло!

Пришёл слуга и изрубил ёлку в куски, — вышла целая связка растопок. Как жарко запылали они под большим котлом! Дерево глубоко-глубоко вздыхало, и эти вздохи были похожи на слабые выстрелы. Прибежали дети, уселись перед огнём и встречали каждый выстрел весёлым «Пиф! Паф!» А ель, испуская тяжёлые вздохи, вспоминала ясные летние дни и звёздные зимние ночи в лесу, весёлый сочельник и сказку про Клумпе-Думпе, единственную слышанную ею сказку!.. Так она вся и сгорела.

Мальчики опять играли во дворе. У младшего на груди сияла та самая золотая звезда, которая украшала ёлку в счастливейший вечер её жизни. Теперь он прошёл, канул в вечность, ёлке тоже пришёл конец, а с нею и нашей истории.

Конец, конец! Всё на свете имеет свой конец!

¹ Сочельник — канун церковных праздников Рождества и Крещения.

Джанни Родари

Из цикла историй «Сказки по телефону»

Паолетте Родари и её друзьям всех цветов кожи

Жил-был однажды... синьор Бьянки. Жил он в городе Варёзе и был служащим одной торговой фирмы, которая продавала лекарства. Работа у него была очень беспокойная. Каждую неделю шесть дней из семи он колесил по всей Италии. Он ездил на запад и на восток, на юг и на север, и опять туда же – и так включая субботу. Воскресенье он проводил дома, вместе с дочуркой, а в понедельник, едва поднималось солнце, снова отправлялся в путь. Дочка провожала его и всегда напоминала:

– Слышишь, папа, сегодня вечером я опять жду новую сказку!

Надо вам сказать, что девочка эта не могла уснуть, пока ей не расскажут сказку. Мама уже по три раза перерассказала ей всё, что знала: и были, и небылицы, и просто сказки. А ей всё мало! Пришлось и отцу взяться за это ремесло. Где бы ни находился он, в каком бы местечке Италии ни оказался, он каждый вечер ровно в девять часов звонил домой и рассказывал по телефону новую сказку. Он их сам придумывал и сам рассказывал.

В этой книге как раз и собраны все эти «сказки по телефону», и вы можете прочитать их. Они, как вы заметите, не очень длинные. Ведь синьору Бьянки приходилось платить за телефонный разговор из своего кармана, и, сами понимаете, он не мог разговаривать слишком долго. Только иногда, когда дела у него шли хорошо, он позволял себе поговорить подольше. Конечно, если сказка этого заслуживала.

Скажу вам по секрету: когда синьор Бьянки вызывал Варёзе, даже телефонистки приостанавливали работу и с удовольствием слушали его сказки. Ещё бы – некоторые из них мне и самому нравятся!

Сказка «Дворец из мороженого»

Однажды в Болонье на самой главной площади построили дворец из мороженого. И ребята сбегались сюда со всех концов города, чтобы полакомиться хоть немножко.

Крыша дворца была из взбитых сливок, дым, что поднимался над трубами, из фигурного сахара, а сами трубы – из цукатов. Всё остальное было из мороженого: двери из мороженого, стены из мороженого, мебель из мороженого.

Один совсем маленький мальчик ухватился за ножку стола и стал уплетать её. Потом он съел вторую ножку, третью, а когда расправился и с четвёртой, то весь стол со всеми тарелками – а они были из самого лучшего, шоколадного мороженого – упал прямо на него...

А городской стражник заметил вдруг, что во дворце подтаивает одно окно. Стёкла его – из земляничного мороженого – розовыми ручейками стекали вниз.

– Бегите сюда! Быстрее бегите сюда! – позвал стражник ребят.

Все прибежали и стали лизать розовые ручейки – чтобы ни одна капля не пропала из этого поистине чудесного сооружения.

– Кресло! Дайте мне кресло! – взмолилась вдруг какая-то старушка, которая тоже пришла на площадь, но не могла протиснуться в толпе. – Дайте кресло бедной старушке! Помогите мне! Кресло, и, если можно, с ручками!..

Один очень отзывчивый пожарный сбегал во дворец и принёс кресло из крем-брюле, и бедная старушка ужасно обрадовалась и принялась прежде всего облизывать ручки кресла. Да, это был большой день в Болонье. Настоящий праздник! По приказу докторов ни у кого не болели животики.

И до сих пор, когда ребята просят купить вторую порцию мороженого, родители вздыхают:

– Ах, дружок, тебе надо купить, наверное, целый дворец из мороженого, вроде того, что был в Болонье, вот тогда ты, может быть, будешь доволен!

Сказка «Как придумывают числа»

Давайте придумывать числа?!

– Давайте! Чур, я первый! Почти-один, почти-два, почти-три, почти-четыре, почти-пять, почти-шесть...

– Это слишком маленькие числа. Послушай мои. Один сверхмиллион биллионов! Одна восьмица мил-лионищ! Один удиви-удивятище и один изумилище!

– Подумаешь! А я могу целую таблицу умножения придумать! Вот смотри!

Трижды один – Паолина и Мартин!

Трижды два – вкусная халва!

Трижды три – нос скорей утри!

Трижды четыре – шоколад, вкуснейший в мире!

Трижды пять – ошибся опять!

Трижды шесть – я хочу есть!

Трижды семь – никогда суп не ем!

Трижды восемь – милости просим!

Трижды девять – мир слезам не верит!

Трижды десять – ничего не весят!

– Скажи-ка быстро, сколько стоит эта коврижка?

– Дважды «надеру-уши»!

– А сколько отсюда до Милана?

– Тысяча километров новых, один километр совсем уже старый и семь шоколадок!

– Сколько весит слеза?

– А это по-разному. Слезка капризного мальчика весит меньше ветра. Слезка голодного мальчика – тяжелее всей Земли!

– Очень длинная получилась сказка?

– Слишком!

– Давай напоследок придумаем ещё несколько чисел. Знаешь, как считают в Модене? Раз-и-раз, двас-и-двас, трижды-трижки, четыре коврижки и пяток кочерыжек.

– А я посчитаю, как в Риме. Разик, двазик, третий тазик, а дальше считай как знаешь...

Сказка «Дорога, которая никуда не ведёт»

На окраине села улица разветвлялась на три дороги – одна вела к морю, другая – в город, а третья – никуда не вела. Martino знал это, потому что у всех спрашивал про третью дорогу и все отвечали ему одно и то же, будто сговорились:

- Та дорога? Она никуда не ведёт. Не стоит ходить по ней.
- Но всё-таки куда-то она ведёт?
- Нет, совсем никуда не ведёт!
- Так зачем же её построили?
- Никто и не строил её. Она всегда там была!
- И никто никогда не ходил по ней?
- Ох, и упрямая ты голова!.. Раз тебе говорят, что там ничего нет...
- А откуда вы знаете? Вы разве ходили по ней?

Martino был такой настойчивый, что его так и прозвали – Martino Упрямая Голова. Но он не обижался и продолжал думать о дороге, которая никуда не ведёт.

Когда он подрос настолько, что смог переходить улицу, не держась за дедушку, он встал однажды рано утром, вышел из села и решительно зашагал по таинственной дороге, которая никуда не вела.

Дорога была вся в выбоинах, местами заросла травой, но, к счастью, дождя давно не было – не было и луж на дороге. Поначалу по обе стороны шла изгородь, но скоро она кончилась, и тогда дорога потянулась через лес. Ветви деревьев переплетались над ней, и получалась тёмная прохладная галерея, в которую лишь изредка, словно луч карманного фонарика, пробивался солнечный свет.

Шёл Martino, шёл, а галерея всё не кончалась, и дорога не кончалась тоже. У Martino уже ноги заныли от усталости, и он стал подумывать, не вернуться ли назад. Вдруг откуда ни возьмись – собака!

- Где собака, там и жильё! – решил Martino.
- Или, во всяком случае, человек.

Собака бросилась навстречу Martino, радостно виляя хвостом, и лизнула ему руку, а потом побежала вперёд по дороге, всё время оглядываясь, идёт ли за ней Martino.

– Иду, иду! – говорил Martino, которого всё это очень заинтересовало.

Постепенно лес стал редеть, проглянуло небо, и дорога привела к большим железным воротам.

За оградой Марино увидел дворец. Все окна его были гостеприимно распахнуты, из трубы шёл дым, а на балконе стояла прекрасная синьора, приветливо махала Марино рукой и звала:

– Сюда, сюда, Марино Упрямая Голова!

– Э! – обрадовался Марино. – Я и не представлял, куда приду, но вы, оказывается, хорошо знали, кто к вам придёт!

Марино открыл ворота, пересёк парк и вошёл во дворец как раз в тот момент, когда прекрасная синьора шла ему навстречу. Синьора была очень красива и одета куда лучше всяких фей и принцесс. И к тому же весёлая-превесёлая.

– Так ты не поверил? – засмеялась она. – Чему? – удивился Марино.

– Не поверил, что эта дорога никуда не ведёт?

– Ещё бы! Слишком глупая история. По-моему, на свете гораздо больше просто ещё не изведанных путей, чем нехоженных дорог.

– Разумеется. Нужно только не бояться неизвестных дорог. А теперь идём, я покажу тебе дворец.

Больше ста залов было во дворце, и все они были забиты сокровищами – совсем как в сказках про спящих красавиц или про чудовищ, оберегающих свои богатства. Тут были алмазы, драгоценные камни, золото, серебро. А прекрасная синьора всё говорила Марино:

– Бери, бери всё, что захочешь. Я одолжу тебе тележку, чтобы ты мог забрать всё, что хочешь.

Сами понимаете, Марино не заставил себя уговаривать. Он доверху нагрузил тележку и отправился в обратный путь. Вместо кучера у него сидела собака. Это была учёная собака – она умела править вожжами и лаяла на лошадей, когда те начинали дремать или сбивались с дороги.

В селе о Марино уже и думать забыли – решили, что он погиб. И когда он вдруг вернулся, все очень удивились. Учёная собака выгрузила на площади все сокровища, вильнула хвостом в знак прощания, снова забралась на тележку и скрылась в облаке пыли.

Мартино сделал богатые подарки всем – и друзьям, и недругам – и раз сто вынужден был повторить свой рассказ про всё, что с ним приключилось. И всякий раз, когда он умолкал, кто-нибудь из его односельчан бежал домой, запрягал лошадь и пускался вскачь по дороге, которая никуда не ведёт.

К вечеру все они возвращались. У всех были вытянутые от огорчения лица: дорога, уверяли они, вела прямо в болото, в чащу леса, в заросли колючего кустарника. Не было там ни железной ограды, ни дворца, ни прекрасной синьоры, раздающей богатства.

А всё потому, что некоторые сокровища открываются только тем людям, которые первыми проходят по нехоженным путям! Как Мартино Упрямая Голова.

Сказка «Вопросы наизнанку»

Жил однажды мальчик, который очень любил задавать вопросы. Это, конечно, совсем неплохо, наоборот, даже очень хорошо, когда человек чем-то интересуется. Но на вопросы, которые задавал этот мальчик, почему-то было очень трудно ответить.

Он спрашивал, например:

– Почему у ящиков есть стол?

Люди смотрели на него с удивлением и иногда отвечали:

– Ящики существуют для того, чтобы класть в них разные вещи, например, ножи и вилки.

– Для чего нужны ящики – это я знаю, – возражал мальчик, – но вот почему у ящиков есть столы?

Люди качали головой и уходили от него. А мальчик снова спрашивал, уже у других:

– Почему у хвоста есть рыба?

Или:

– Почему у усов есть кошка?

Люди пожимали плечами и спешили уйти. Ведь у каждого есть дела.

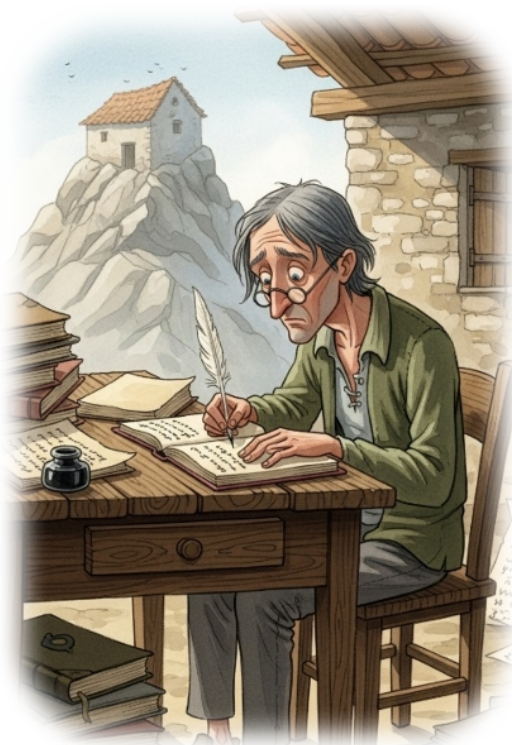
Так мальчик и рос – что ни день, то несколько десятков вопросов. Наконец он вырос, стал взрослым и по-прежнему без конца задавал всем странные вопросы. Но люди не хотели отвечать ему. Тогда он уединился в небольшой домик, что стоял на вершине одной горы, и стал там жить в одиночестве. Целыми днями он выдумывал вопрос за вопросом и записывал их в тетрадь. А потом сидел и ломал голову над ответами. Но почему-то так и не находил их.

Он записывал, например, в своей тетради:

«Почему у тени есть сосна?»,

«Почему облака не пишут писем?».

От такого множества вопросов у него, разумеется, начинала болеть голова. Но он не обращал на это внимания. У него уже и борода отросла, а он все продолжал сочинять вопросы. Он и не подумал постричь бороду.

Он только спрашивал себя:

– Почему у бороды есть лицо?

Словом, странный это был человек. Когда он умер, один ученый провел некоторые исследования и обнаружил, что, человек этот, ещё когда был маленьким, привык надевать носки наизнанку, и ему так ни разу в жизни и не удалось надеть их правильно. Точно так же он так никогда и не научился задавать правильные вопросы.

Со многими людьми ещё такое бывает.

Сказка «Бриф! Бруф! Браф!»

Двое ребятшек мирно играли у себя во дворе. Они придумывали особый язык, чтобы можно было разговаривать только друг с другом и чтоб никто больше не понимал их.

– Бриф, бруф! – сказал первый мальчик.

– Бруф, браф! – ответил другой. И они весело рассмеялись.

На балконе второго этажа сидел старый добрый синьор и читал газету. А в окно напротив него выглядывала старая синьора – синьора так себе: ни плохая, ни хорошая.

– Какие глупые эти ребята! – сказала синьора. Но синьор не согласился с нею.

– Я этого не нахожу, – возразил он.

– Не станете же вы утверждать, будто поняли, что они говорят?! – спросила синьора.

– Отлично понял! Первый мальчик сказал: «Какой сегодня чудесный день!» А другой ответил: «Завтра будет ещё лучше!»

Синьора поморщилась, но промолчала, потому что в это время ребята снова заговорили на своём языке.

– Мараски, барабаски, пимпиримоски! – сказал первый мальчик.

– Бруф! – ответил другой. И они снова стали смеяться.

– Неужели и на этот раз вы будете уверять, что поняли их? – рассердилась старая синьора.

– Конечно! – ответил, улыбаясь, старый добрый синьор. – Первый сказал: «Как хорошо, что мы живём на земле!» А второй ответил: «Мир так чудесен!»

– Неужели он и в самом деле так чудесен?! – удивилась старая синьора.

– Бриф! Бруф! Браф! – ответил ей старый синьор.

Сказка «Солнце и туча»

Солнце весело и горделиво катило по небу на своей огненной колеснице и щедро разбрасывало лучи – во все стороны!

И всем было весело. Только туча злилась и ворчала на солнце. И неудивительно – у неё было грозное настроение.

– Транжира ты! – хмурилась туча. – Дырявые руки! Швыряйся, швыряйся своими лучами! Посмотрим, с чем ты останешься!

А в виноградниках каждая ягодка ловила солнечные лучи и радовалась им. И не было такой травинки, паучка или цветка, не было даже такой капельки воды, которые не старались бы заполучить свою частичку солнца.

– Ну, транжирь ещё! – не унималась туча. – Транжирь своё богатство! Увидишь, как они отблагодарят тебя, когда у тебя уже нечего будет взять!

Солнце по-прежнему весело катило по небу и миллионами, миллиардами раздаривало свои лучи.

Когда же к заходу оно сосчитало их, оказалось, что все на месте – смотри-ка, все до одного!

Узнав про это, туча так удивилась, что тут же рассыпалась градом. А солнце весело бултыхнулось в море.

Эрнест Сетон-Томпсон

Сказка «Отчего синицы раз в году теряют рассудок»

В давно минувшие времена, когда на севере Америки ещё не бывало зимы, синицы весело жили в лесах вместе с корольками, кедровиками и другими своими родственниками и ни о чём не заботились, кроме удовольствий.

Но вот однажды осенью мать-природа предупредила всех пернатых певуний, что они должны поскорее улететь на юг, так как сюда надвигаются могущественные враги — снег, холод и голод, бороться с которыми для многих

будет очень трудно.

Кедровики и другие родственницы синиц принялись обсуждать, куда лететь. И только синица, предводительница всей стаи, хохотала, кувыряясь на сучке, как на трапеции.

— Отправляться в такую даль? — пищала она. — Вот ещё! Нам и здесь хорошо. Враки, не будет ни снега, ни холода, ни голода! Никогда во всю свою жизнь ничего подобного я не видала и не слыхала даже от стариков.

Но кедровики и корольки так волновались и трусили, что в конце концов их волнение передалось и многим синицам. Они даже оставили на время свои забавы и принялись допытываться у родственников, в чём, собственно, дело. Те разъяснили им как могли, что надвигается опасность и надо немедленно улетать в тёплые страны.

Выслушав своих умных родственников, синицы опять только расхохотались, снова принялись беззаботно распевать и летать наперегонки.

Между тем корольки и другие птички стали готовиться к длинному путешествию и разузнавать дорогу на юг. Большая, широкая река, текущая к югу, луна в небе и дикие гуси, также переселявшиеся в тёплые страны, должны были служить им путеводителями.

Чтобы их не заметили коршуны, решено было отправиться в путь ночью. Начиналась буря, но и на это переселенцы решили не обращать внимания.

Вечером отлетающие птички расселись на деревьях и стали ждать восхода луны. Синицы собрались провожать своих «сумасшедших» родственников и продолжали насмехаться над ними.

Как только холодная луна поднялась над горизонтом, вся огромная стая пернатых переселенцев сразу вспорхнула и, попрощавшись с синицами, плавно понеслась к югу.

Пожелав им вместо счастливого пути скорейшего возвращения, беспечные синицы, перелетая друг через друга и кувыркаясь в воздухе, шумно помчались к опустевшему лесу.

— Нам будет гораздо лучше без этих чудаков! — щебетали они. — Просторнее, да и весь корм достанется нам.

И они веселее прежнего стали играть и баловаться.

Между тем после сильной бури действительно пошёл снег и наступили холода. Непривычные синицы совсем растерялись. Куда девалась их былая весёлость! Им стало страшно, холодно, голодно. Беспомощно носились они по лесу, ища, у кого бы спросить совета, у кого бы узнать, как найти путь на юг. Но — увы! — кроме них, во всём громадном лесу не оказалось ни одной певчей птички. Они припомнили, что переселенцы полетели над рекой, но как-теперь узнать эту реку, когда всё вокруг занесено снегом?

Как-то раз с юга пахнул тёплый ветерок и поведал легкомысленным певуньям, что их родственники, послушные указаниям мудрой матери-природы, отлично устроились на тёплом, благодатном юге, но что та же мать-природа, разгневанная непослушными синицами, приказывает им оставить всякую надежду на переселение в тёплые страны и

приспособляться, как сами знают, к изменившемуся климату на их родине. Не хотели слушаться вовремя — теперь пусть пеняют на себя.

Мало было утешительного в этой вести, но она подействовала на синиц самым отрезвляющим образом: заставила их призадуматься и примириться с новыми условиями жизни.

Синицы приободрились и развеселились. Решив, что можно жить и среди снега, они снова стали весело чирикать, гоняться друг за дружкой, прыгать по заиндеветым веткам деревьев. Они чувствовали себя по-прежнему вполне счастливо. Во время метелей и морозов они спокойно сидели в тёплых гнёздышках, устроенных в дуплах старых деревьев. И как только после суровой зимы пахнет тёплым, предвесенним ветерком, одна из них радостно запекает «весна идёт!», а хор весело подхватывает песню.

Люди слушают, как звенят радостные голоса птиц в занесённом снегом лесу, и тоже начинают радоваться скорой весне. Они знают, что предсказание этих маленьких предвестниц всегда верно.

Но раз в году, глубокой осенью, когда по опустевшему лесному царству зашумит, загудит и завоет холодный ветер, со всеми синицами творится что-то странное: они на несколько дней теряют рассудок и начинают, точно угорелые, метаться между деревьями и забираться куда попало, даже в самые опасные места. Их тогда можно видеть и в лугах, и в степях, и в городах, в подвалах, амбарах, сараях, — словом, всюду, где не следует быть маленькой лесной птичке.

И если вам случится в это время года встретить в подобных местах синиц, то так и знайте, что они временно сошли с ума. Это помешательство связано у них с воспоминанием о том времени, когда они, по легкомыслию, отказались переселиться вместе с перелётными птицами в тёплые страны благодатного юга.

Сельма Лагерлёф

Сказка «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями»

Глава 6. Праздник на горе Кулаберг

Не успела стая успокоиться после ночных событий, как уже пора было собираться на Кулаберг.

— Тебе повезло! — говорили дикие гуси Мартину. — Только раз в году сходятся вместе все звери и птицы. Какие игры они затевают! Какие танцы заводят!

— Что-то я никогда не слышал об этом празднике, — сказал Нильс. — А ведь я учился в школе целых три года.

— Ничего нет удивительного, что об этом празднике ты не слышал, — сказала старая Акка. — О великом празднике птиц и зверей не слышал ни один человек. И ни один человек не должен знать дороги, которая ведёт на Кулаберг.

Тут Акка Кебнекайсе пристально посмотрела на Нильса.

«Верно, она не возьмёт меня с собой, — подумал Нильс. — Ведь всё-таки я человек».

Но он ни о чём не спросил Акку.

Тем временем гуси старательно готовились к празднику. Приглаживали на себе пёрышки, чтобы они лежали одно к одному, мыли лапы, до блеска начищали песком клювы.

Только Мартин и Нильс сидели в сторонке и старались не обращать внимания на все эти сборы. Они ни о чём не говорили, но прекрасно друг друга понимали.

Нильс думал о том, что ему, конечно, не бывать на Кулаберге, а Мартин думал о том, что ему, конечно, придётся остаться с Нильсом. Не

бросать же товарища одного!

Около полудня снова прилетел аист Эрменрих.

С самого утра ему не сиделось на месте. Он уже раз пять летал на болото и принёс столько лягушек, что госпожа Эрменрих не знала, куда их девать.

Теперь, глядя на господина Эрменриха, никто бы не сказал, что он открывает клюв только для того, чтобы пожаловаться на судьбу. Каждым своим движением он, казалось, говорил, что нет на свете аиста счастливее, чем он.

Когда господин Эрменрих кончил все свои поклоны, приветствия и приседания, Акка Кебнекайсе отвела его в сторону и сказала:

— Мне нужно с вами серьёзно поговорить, господин Эрменрих.

Сегодня мы все отправляемся на Кулаберг. Вы знаете, с нашей стаей летит белый гусь и... — тут старая Акка запнулась, — и его приятель. — Акка Кебнекайсе всё-таки не решилась назвать Нильса человеком.

— Так вот я хотела бы, чтобы он тоже отправился с нами. Раньше я сама относилась к нему подозрительно, но теперь готова ручаться за него, как за любого из своей стаи. Я знаю, что он никогда не выдаст нас людям. Я даже думаю. Но аист не дал ей кончить.

— Уважаемая Акка Кебнекайсе, — важно произнёс аист. — Насколько я понимаю, вы говорите о Нильсе, который избавил от беды Глиммингенский замок? О том самом Нильсе, который вступил в единоборство с тысячей серых крыс? О великом Нильсе, который, рискуя собственной жизнью, спас жизнь моей жене и моим детям? О Нильсе, который...

— Да, да, о нём, — прервала Акка Кебнекайсе пышную речь аиста Эрменриха. — Так что же вы посоветуете?

— Госпожа Кебнекайсе, — торжественно сказал аист и так энергично стукнул клювом по камню, что тот раскололся, будто пустой орешек. — Госпожа Кебнекайсе, я сочту за честь для себя, если наш спаситель Нильс вместе с нами отправится на Кулаберг. До сих пор я не могу простить себе, что вчера так непочтительно обошёлся с ним. И чтобы загладить свою — невольную, прошу вас помнить! — вину, я сам понесу его: разумеется, не в клюве, а на своей спине.

Господин Эрменрих тряхнул головой и с видом непоколебимой решимости взметнул свой клюв, точно копьё, к небу.

Когда Нильс узнал, что его берут на Кулаберг и что сам аист хочет нести его, он готов был прыгать выше головы. Это, может быть, и не очень высоко, но выше собственной головы не прыгнуть ни одному человеку.

Наконец все сборы и приготовления были закончены.

Аист подставил Нильсу свой клюв, и Нильс вскарабкался по нему на спину господина Эрменриха. Вся стая вместе с аистом, Нильсом и Мартином двинулась в путь.

Только теперь Нильс по-настоящему понял, что значит летать.

Дикие гуси не могли угнаться за аистом точно так же, как когда-то Мартин не мог угнаться за дикими гусями.

К тому же господин Эрменрих хотел доставить Нильсу как можно больше удовольствий. Поэтому он всё время проделывал в воздухе разные фокусы. Он просто превзошёл самого себя — то взмывал к самым облакам и, расправив крылья, неподвижно застывал в воздухе, то камнем падал вниз, да так, что казалось, вот-вот разобьётся о землю. А то принимался вычерчивать в воздухе круги — сначала широкие, потом всё уже и уже, сначала плавно, потом всё быстрее и быстрее, — так, что у Нильса дух захватывало.

Да, это был настоящий полёт!

Нильс едва успевал поворачиваться, чтобы отыскать глазами стаю Акки Кебнекайсе.

Стая, как всегда, летела в строгом порядке. Гуси мерно взмахивали крыльями. И, не отставая от других, как заправский дикий гусь, летел Мартин.

Крутые склоны горного хребта Кулаберг поднимаются прямо из моря. У подножия Кулаберга нет ни полоски земли или песка, которая защищала бы его от яростных волн. Тысячи лет упрямые волны бьются о каменные глыбы, рассыпаясь шипучей пеной. По камешку, по песчинке волны вырыли глубокие пещеры, пробили в скалистых уступах сводчатые ворота, врезались в глубину гор широкими заливами. Море и его помощник ветер вытесали здесь высокие стены, без единой зазубринки, без единой

морщинки, такие гладкие и блестящие, что даже самый лучший каменщик на свете и то бы им позавидовал.

По склонам Кулаберга, вцепившись в камни крепкими корнями, растут деревья. Морской ветер бьёт их, пригибает книзу, не даёт поднять головы. Но деревья не сдаются. Они приникают к самой горе, и листва их, словно плющ, стелется по голому камню.

В глубине этого неприступного горного кряжа, невидимая и недоступная ни одному человеку, находится площадка — такая ровная, словно кто-то срезал гигантским ножом верхушку горы.

Один раз в году, ранней весной, сюда сходятся все четвероногие и пернатые на великие игрища птиц и зверей.

День для этого сборища выбирают журавли. Они отлично предсказывают погоду и наперёд знают, когда будет дождь, а когда небо будет ясное.

По древнему обычаю, звери и птицы на всё время праздника заключают друг с другом перемирие. Зайчонок в этот день может спокойно прогуливаться под боком у воронов, и ни один из крылатых разбойников не посмеет на него даже каркнуть. А дикие гуси могут без опаски прохаживаться под самым носом у лисиц, и ни одна даже не посмотрит на них. И всё-таки звери держатся стаями — так уж повелось из века в век.

Прежде чем выбрать себе место, гуси хорошенько огляделись по сторонам.

Совсем рядом с ними поднимался целый лес ветвистых рогов, — тут расположились стада оленей.

Неподалеку виднелся огненно-рыжий лисий пригорок.

Ещё дальше — серый пушистый холм; здесь сбились в кучу зайцы.

Хотя гуси и знали, что им не грозит никакая опасность, они всё-таки выбрали для себя местечко подальше от лисиц.

Все с нетерпением ждали начала праздника. А больше всего не терпелось Нильсу. Ведь он был первый и единственный человек, которому выпала честь увидеть игрища зверей и птиц.

Но праздник не начинался, потому что, кроме стаи Акки Кебнекайсе, никто из пернатых ещё не пожаловал на Кулаберг. Нильс во все глаза смотрел, не летят ли птичьи стаи. Сидя на спине господина Эрменриха, он видел всё небо.

Но птицы словно позабыли о сегодняшнем празднике.

Небо было совсем чистое, только далеко-далеко над самым горизонтом повисло небольшое тёмное облачко. Это облачко становилось всё больше и больше. Оно двигалось прямо на Кулаберг и над самой площадкой, где собрались звери, закружилось на месте.

И всё облако пело, свистело, щебетало. Оно то поднималось, то опускалось, звук то затихал, то разрастался. Вдруг это поющее облако разом упало на землю — и вся земля запестрела красно-сери-зелёными щеглами, жаворонками, зябликами.

Вслед за первым облаком показалось второе. Где бы оно ни проплывало — над деревенским хутором или над городской площадью, над усадьбой, рудником или заводом, — отовсюду к нему поднимались с земли словно струйки серой пыли. Облако росло, ширилось, и, когда оно подошло к Кулабергу, хлынул настоящий воробыный ливень.

А по краю неба показалась чёрно-синяя грозовая туча. Она надвигалась на Кулаберг, нагоняя на всех страх. Ни один солнечный луч не мог проникнуть сквозь эту плотную завесу. Стало темно как ночью. Зловещий, скрипучий грохот перекачивался по туче из конца в конец, и вдруг чёрный град посыпался на Кулаберг. Когда он прошёл, солнце снова засияло в небе, а по площадке расхаживали, хлопая крыльями и каркая, чёрные вороны, галки и прочий вороний народ.

А потом небо покрылось сотней точек и чёрточек, которые складывались то в ровный треугольник, то вытягивались, точно по линейке, в прямую линию, то вычерчивали в небе полукруги. Это летели из окрестных лесов и болот утки, гуси, журавли, глухари.

Как заведено на Кулаберге испокон веков, игры начинались полётом воронов.

С двух самых отдалённых концов площадки вороны летели навстречу друг другу и, столкнувшись в воздухе, снова разлетались в разные стороны. Сами вороны находили, что не может быть ничего красивее этого танца. Но всем остальным он казался довольно-таки бестолковым и утомительным.

Верно, потому воронов и выпускали первыми, чтобы потом они уже не портили праздника.

Наконец вороны уgomонились.

На площадку выбежали зайцы.

Вот теперь-то пошло настоящее веселье!

Зайцы прыгали, кувырkaлись через голову, кто катался по земле колесом, кто вертелся волчком, стоя на одной лапе, кто ходил прямо на голове. Зайцам и самим было весело, и смотреть на них было весело!

Да и как же им было не прыгать и не кувырkaться! Весна идёт! Кончилась холодная зима! Кончилось голодное время!

После зайцев настала очередь глухарей.

Глухари расселись на дереве — в блестящем чёрном оперении, с ярко-красными бровями, важные, надутые. Первым завёл свою песню глухарь, который сидел на самой верхней ветке. Он поднял хвост, открывая под чёрными перьями белую подкладку, вытянул шею, закатил глаза и заговорил, засвистел, затакал:

— Зис! Зис! Так! Так! Так!

Три глухаря, сидевшие пониже, подхватили его песню, и с ветки на ветку, с сучка на сучок эта песня спускалась по дереву, пока не затоковали все глухари. Теперь всё дерево пело и свистело, приветствуя долгожданную весну.

Глухариная песня всех взяла за живое, все звери готовы были вторить ей. А тетерева, не дождавшись своей очереди, от избытка радости принялись во весь голос подтягивать:

— О-р-р! О-р-р! О-р-р!

Все были так поглощены пением, что никто не заметил, как одна из лисиц тихонько стала подкрадываться к стае Акки Кебнекайсе. Это был лис Смирре.

— Дикие гуси! Берегитесь! Берегитесь! — закричал маленький воробушек.

Смирре бросился на воробья и одним ударом лапы расправился с ним. Но гуси уже успели подняться высоко в воздух.

Смирре так и завыл от ярости. Ведь столько дней и ночей лис только о том и думал, как бы отомстить Акке и её стае. Увидев всю стаю здесь, на Кулаберге, он забыл обо всех священных обычаях этого весеннего праздника, забыл обо всём на свете.

Нарушить мир на Кулаберге! Такого ещё никогда не случилось!

Когда звери увидели, что Смирре попытался напасть на диких гусей, что он убил воробья, гневу их не было предела. Даже лисицы восстали против своего сородича.

Тут же на месте был устроен суд.

Приговор гласил: «Тот, кто поправ вечный закон мира в день великого сближения зверей и птиц, навсегда изгоняется из своей стаи. Лис Смирре нарушил этот закон — и лапа его не должна больше ступать по нашей земле».

А для того, чтобы все знали, какое преступление совершил Смирре, самая старая из лисиц откусила ему кончик уха.

Униженный, посрамленный, с откушенным ухом, лис Смирре бросился бежать, а вслед ему нёсся яростный лай всей лисьей стаи.

Пока звери чинили расправу над лисом Смирре, глухари и тетерева продолжали свою песню. Такой уж характер у этих лесных птиц, — когда они заводят песню, они ничего не видят, не слышат, не понимают.

Наконец и сами певцы устали и замолкли.

Теперь на площадку вышли олени. Это были прославленные борцы.

Боролись сразу несколько пар. Олени сталкивались лбами, рога их переплетались, из-под копыт взлетали камни. Олени бросались друг на друга с таким боевым грозным рёвом, что всех зверей и птиц охватывал воинственный дух. Птицы расправляли крылья, звери точили когти. Весна пробуждала во всех новые силы, силы к борьбе и к жизни.

Олени кончили борьбу как раз вовремя, потому что, глядя на них, всем другим тоже хотелось показать свою удаль, и, того гляди, праздник кончился бы всеобщей дракой.

— Теперь очередь журавлей! Теперь очередь журавлей! — пронеслось над Кулабергом.

И вот на площадке появились журавли — большие серые птицы на длинных стройных ногах, с гибкой шеей, с красным хохолком на маленькой точёной головке. Широко раскрыв крылья, журавли то взлетали, то, едва коснувшись земли, быстро кружились на одной ноге. Казалось, на площадке мелькают не птицы, а серые тени. Кто научил журавлей скользить так легко и бесшумно? Может быть, туман, стелющийся над болотами? Может быть, вольный ветер, проносящийся над землёй? Или облака, проплывающие в небе?

Все на Кулаберге, словно замороженные, следили за журавлями. Птицы тихонько поднимали и опускали крылья, звери покачивались из стороны в сторону: одни — похлопывали хвостами в лад журавлиному танцу, другие — наклоняли рога.

Журавли кружились до тех пор, пока солнце не скрылось за горными уступами. И когда их серые крылья слились с серыми сумерками, они взмыли в небо и пропали вдали.

Праздник кончился.

Держась поближе к своим стадам и стаям, птицы и звери спешили покинуть Кулаберг.

Было уже совсем темно, когда гуси снова вернулись к стенам Глиммингенского замка.

— Сегодня все могут спокойно выспаться, — сказала Акка. — Лиса Смирре можно не бояться. А завтра на рассвете — в путь.

Гуси были рады отдыху. Подвернув головы под крылья, они сразу заснули. Не спал только Нильс.

Глубокой ночью Нильс тихонько выполз из-под крыла Мартина. Он огляделся по сторонам и, убедившись в том, что никто его не видит, быстро зашагал к замку.

У Нильса было важное дело. Во что бы то ни стало он должен повидать филина Флимнеа. Надо выпытать у филина, где живёт лесной гном. Тогда уж Нильс разыщет его, даже если лесной гном живёт на краю света. Пусть гном потребует от него всё, что захочет. Нильс всё сделает, только бы снова стать человеком!

Нильс долго бродил вокруг замка, пытаясь высмотреть где-нибудь на башне филина Флимнеа. Но было так темно, что он не видел даже собственной руки. Он совсем продрог и хотел уже возвращаться, как вдруг услышал чьи-то голоса, Нильс поднял голову: четыре горящих, точно раскалённые угольки, глаза пронизывали темноту.

— Теперь-то он как шёлковый. А ведь раньше от него житья не было, — говорила одна сова другой. — Всем от него доставалось! Сколько он гнёзд разрушил! Сколько птенцов погубил! А раз, — тут сова заговорила совсем шёпотом, — страшно даже произнести, что он сделал: он подшутил над лесным гномом. Ну, гном его и заколдовал.

— Неужели же он никогда не превратится в человека? — спросила вторая сова.

— Трудно ему теперь человеком стать. Ведь знаешь, что для этого нужно?

— Что? Что?

— Это такая страшная тайна, что я могу сказать её тебе только на ухо.

И Нильс увидел, как одна пара горящих глаз приблизилась к другой совсем-совсем близко.

Как ни прислушивался Нильс, он ничего не услышал.

Долго ещё стоял он у стен замка, ожидая, что совы опять заговорят. Но совы, нашептавшись в своё удовольствие, улетели прочь.

«Видно, мне никогда не превратиться в человека!» — грустно подумал Нильс и поплёлся к стае диких гусей.

Фёдор Тютчев

Стихотворение «Зима недаром злится...»

Зима недаром злится,
Прошла её пора –
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуетилось,
Всё нудит зиму вон¹, –
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима ещё хлопочет
И на весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу;
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.

¹ **Всё нудит зиму вон** – заставляет зиму уйти (нудит — вынуждает).

Стихотворение «Листья»

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Мы ж, лёгкое племя,
Цветём и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Всё красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе...

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры¹ ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей²!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

¹ Зефи́р – лёгкий, тёплый ветер.

² Докучные ветви – эпитет, описывающий усталость листьев от пребывания на ветвях.

Александр Блок

Стихотворение «На лугу»

Леса вдали виднее,
Синее небеса.
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звончее
Над лугом голоса.

Весна идёт сторонкой,
Да где ж сама она?
Чу, слышен голос звонкий.
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...

Алексей Плещеев

Стихотворение «Птичка»

Для чего, певунья птичка,
Птичка резвая моя,
Ты так рано прилетела
В наши дальние края?

Заслонили солнце тучи,
Небо всё заволокли;
И тростник сухой и жёлтый
Клонит ветер до земли.

Вот и дождик, посмотри-ка,
Хлынул словно из ведра,
Скучно, холодно, как будто
Не весенняя пора!

Константин Ушинский

Рассказ «Ветер и Солнце»

Однажды Солнце и сердитый северный Ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они и наконец решились помериться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге.

— Посмотри, — сказал Ветер, — как я налечу на него: мигом сорву с него плащ.

Сказал и начал дуть что было мочи.

Но чем более старался Ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ: он ворчал на непогоду, но ехал всё дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал бедного путника дождём и снегом. Проклиная Ветер, путешественник надел свой

плащ в рукава и подвязался поясом. Тут уж Ветер и сам убедился, что ему плаща не сдёрнуть.

Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамёрзшего путешественника.

Почувствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил Солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.

— Видишь ли, — сказала тогда кроткое Солнце сердитому Ветру, — лаской и добротой можно сделать гораздо более, чем гневом.

Рассказ «Ласточка»

Мальчик осенью хотел разорить прилепленное под крышей гнездо ласточки, в котором хозяев уже не было: почуяв приближение холодов, они улетели.

– Не разорь гнезда, – сказал мальчику отец, – весной ласточка опять прилетит, и ей будет приятно найти свой прежний домик.

Мальчик послушался отца.

Прошла зима, и в конце апреля пара острокрылых, красивеньких птичек, весёлых, щебечущих, прилетела и стала носиться вокруг старого гнёздышка.

Работа закипела; ласточки таскали в носиках глину и ил из ближнего ручья, и скоро гнёздышко, немного попортившееся за зиму, было отделано заново. Потом ласточки стали таскать в гнездо то пух, то пёрышко, то стебелёк мёха.

Прошло ещё несколько дней, и мальчик заметил, что уже только одна ласточка вылетает из гнезда, а другая остаётся в нём постоянно.

«Видно, она наносила яичек и сидит теперь на них», — подумал мальчик.

В самом деле, недели через три из гнезда стали выглядывать крошечные головки. Как рад был теперь мальчик, что не разорил гнёздышка!

Сидя на крылечке, он по целым часам смотрел, как заботливые птички носились по воздуху и ловили мух, комаров и мошек. Как быстро сновали они взад и вперёд, как неустомимо добывали пищу своим деткам!

Мальчик дивился, как это ласточки не устают летать целый день, не приседая почти ни на одну минуту, и выразил своё удивление отцу. Отец достал чучело ласточки и показал сыну:

– Посмотри, какие у ласточки длинные, большие крылья и хвост в сравнении с маленьким, лёгким туловищем и такими крошечными ножками, что ей почти не на чем сидеть; вот почему она может летать так быстро и долго. Если бы ласточка умела говорить, то такие бы диковинки рассказала она тебе – о южно-русских степях, о крымских горах, покрытых виноградом, о бурном Чёрном море, которое ей нужно было пролететь, не присевши ни разу, о Малой Азии, где всё цвело и зеленело, когда у нас выпадал уже снег, о голубом Средиземном море, где пришлось ей раз или два отдохнуть на островах, об Африке, где она вила себе гнёздышко и ловила мошек, когда у нас стояли крещенские морозы.

– Я не думал, что ласточки улетают так далеко, – сказал мальчик.

– Да и не одни ласточки, – продолжал отец, – жаворонки, перепелá, дрозды, кукушки, дикие утки, гуси и множество других птиц, которых называют перелётными, также улетают от нас на зиму в тёплые страны. Для одних довольно и такого тепла, какое бывает зимою в южной Германии и Франции, другим нужно перелететь высокие снежные горы, чтобы приютиться на зиму в цветущих лимонных и померáнцевых¹ рощах Италии и Греции; третьим надобно лететь ещё дальше, перелететь всё Средиземное море.

– Отчего же они не остаются в тёплых странах целый год, – спросил мальчик, – если там так хорошо?

– Видно, им недостаёт корма для детей или, может быть, уж слишком жарко. Но ты вот чему подивись: как ласточки, пролетая тысячи четыре вёрст, находят дорогу в тот самый дом, где у них построено гнездо?

¹ Померáнцевые – цитрусовые и некоторые другие вечнозеленые субтропические растения.

Алексей Толстой

Стихотворение «Где гнутся над омутом лозы...»

Где гнутся над омутом¹ лозы,
Где летнее солнце печёт,
Летают и пляшут стрекозы,
Весёлый ведут хоровод.

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!

Мы песенок знаем так много,
Мы так тебя любим давно!
Смотри, какой берег отлогий²,
Какое песчаное дно!..»

¹ **Омут** – глубокая яма на дне реки или озера.

² **Отлогий** – небольшим уклон, не крутой.

Стихотворение

«Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...»

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядячи, молча слёзы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю.

Лев Толстой

Рассказ «Какая бывает роса на траве»

Когда в солнечное утро, летом, пойдёшь в лес, то на полях, в траве, видны алмазы. Все алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами— и жёлтым, и красным, и синим. Когда подойдёшь ближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались в треугольных листах травы и блестят на солнце.

Листок этой травы внутри мохнат и пушист, как бархат. И капли катаются по листку и не мочат его.

Когда неосторожно сорвёшь листок с росинкой, то капелька скатится, как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнёт мимо стебля. Бывало, сорвёшь такую чашечку, потихоньку поднесёшь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется.

Рассказ «Лебеди»

Лебеди стадом летели из холодной стороны в тёплые земли. Они летели через море. Они летели день и ночь, и другой день и другую ночь они летели, не отдыхая, над водою. На небе был полный месяц, и лебеди далеко внизу под собой видели синеющую воду. Все лебеди утомились, махая крыльями;

но они не останавливались и летели дальше.

Впереди летели старые, сильные лебеди, сзади летели те, которые были моложе и слабее.

Один молодой лебедь летел позади всех. Силы его ослабели. Он взмахнул крыльями и не мог лететь дальше. Тогда он, распустив крылья, пошёл вниз. Он ближе и ближе спускался к воде; а товарищи его дальше и дальше белелись в месячном свете.

Лебедь опустил на воду и сложил крылья. Море всколыхнулось под ним и покачало его. Стадо лебедей чуть виднелось белой чертой на светлом небе. И чуть слышно было в тишине, как звенели их крылья. Когда они совсем скрылись из вида, лебедь загнул назад шею и закрыл глаза. Он не шевелился, и только море, поднимаясь и опускаясь широкой «полосой», поднимало и опускало его.

Перед зарёй лёгкий ветерок стал колыхать море. И вода плескала в белую грудь лебедя. Лебедь открыл глаза. На востоке краснела заря, и месяц и звёзды стали бледнее.

Лебедь вздохнул, вытянул шею и взмахнул крыльями, приподнялся и полетел, цепляя крыльями по воде. Он поднимался выше и выше и полетел один над тайными всколыхавшимися волнами.

Рассказ «Дуб и орешник»

Старый дуб уронил с себя жёлудь под куст орешника. Орешник сказал дубу:

— Разве мало простора под твоими сучьями? Ты бы ронял свои жёлуди на чистое место. Здесь мне самому тесно для моих отростков, и я сам не бросаю наземь своих орехов, а отдаю их людям.

— Я живу двести лет, — сказал на это дуб, — и дубок из этого жёлудя проживёт столько же.

Тогда орешник рассердился и сказал:

— Так я заглушу твой дубок, и он не проживёт и трёх дней.

Дуб ничего не ответил, а велел расти своему сынку из жёлудя.

Жёлудь намок, лопнул и уцепился крючком ростка в землю, а другой росток пустил кверху.

Орешник глушил его и не давал солнца. Но дубок тянулся кверху и стал сильнее в тени орешника. Прошло сто лет. Орешник давно засох, а дуб из жёлудя поднялся до неба и раскинул шатёр на все стороны.

Михаил Лермонтов

Стихотворение «Осень»

Листья в поле пожелтели,
И кружатся и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою,
Уж не любит, меж цветов,
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь, отважный, поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл, и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

Иван Бунин

Стихотворение «Лес, точно терем расписной...»

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Весёлой, пёстрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Берёзы жёлтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, ёлочки темнеют,
А между клёнами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихую вдовой
Вступает в пёстрый терем свой.

Сегодня на пустой поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра.
Сегодня целый день играет
В дворе последний мотылёк
И, точно белый лепесток,
На паутине замирает,
Пригретый солнечным теплом;
Сегодня так светло кругом,
Такое мёртвое молчанье

В лесу и в синей вышине,
Что можно в этой тишине
Расслышать листика шуршанье.

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Стоит над солнечной поляной,
Завороженный тишиной;
Заквохчет дрозд, перелетая
Среди подседа, где густая
Листва янтарный отблеск льёт;
Играя, в небе промелькнёт
Скворцов рассыпанная стая –
И снова всё кругом замрёт.

Николай Некрасов

Стихотворение «Славная осень! Здоровый, ядрёный...»

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд не окрепший на речке студёной,
Словно как тающий сахар, лежит;
Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблёкнуть ещё не успели,
Жёлты и свежи лежат, как ковёр.
Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —
Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...

Стихотворение «Зелёный шум»¹

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнёт кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако: всё зелено,
И воздух, и вода!

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишнёвые,
Тихохонько шумят;
Пригреты тёплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая берёзонька
С зелёною косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клён...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...
Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

¹ «Зелёный шум» – так народ называет пробуждение природы весной. (Прим. Некрасова)

Афанасий Фет

Стихотворение «Рыбка»

Тепло на солнышке. Весна
Берёт свои права;
В реке местами глубь ясна,
На дне видна трава.

Чиста холодная струя,
Слежу за поплавком, —
Шалунья рыбка, вижу я,
Играет с червяком.

Голубоватая спина,
Сама, как серебро,
Глаза – бурмитских¹ два зерна,
Багряное перо.

Идёт, не дрогнет под водой.
Пора! Червяк во рту.
Увы, блестящей полосой
Юркнула в темноту.

Но вот опять лукавый глаз
Сверкнул невдалеке...
Постой, авось на этот раз
Повиснешь на крючке!

¹ Бурмитские зёрна – крупный жемчуг.

Константин Бальмонт

Стихотворение «Ручеёк»

Ручеёк, ручеёк,
Ты, как ниточка, идёшь.
Под тобой блестит песок.
Весел ты, хоть неглубок.
Ручеёк, ручеёк,
Ты уходишь и поёшь.
Вьются пчёлки меж стеблей,
Прогудит мохнатый шмель.
Ты бежишь скорей, скорей.
Вдруг неволя средь камней —
Вспенясь звонче, веселей,
Зажурчишь ты: «Мель, мель, мель!»
Неширок ты, ручеёк,
Неглубок ты, ну так что ж!
Ручеёк, ручеёк,
Ты бежишь и ты поёшь!

Михаил Михайлов

Сказка «Лесные хорóмы»¹

Шёл лесом прохожий да обронил кузовóк². Обронил и не хватился, и остался кузовок у дороги.

Летела муха, увидала, думает: «Дай загляну, нет ли чего съестного». А в крышке как раз такая дырка, что большой мухе пролезть.

Влезла она, съестного не нашла: кузовок пустой, только на дне хлебных крошек немножко осталось. «Зато хоромы хороши! — подумала муха. — Стану в них жить. Здесь меня ни птица не склюёт, ни дождик не замочит».

И стала тут муха жить. Живёт день, живёт другой. И вылетать не надо: крошек ещё всех не переела.

Прилетает комар, сел у дырки, спрашивает:

— Кто в хоромах? Кто в высоких?

— Я, муха-громотуха, а ты кто?

— А я комар-пискун. Пусти в гости!

— Что в гости! Пожалуй, хоть живи тут.

Не успел комар пробраться в кузов, а уж у дверей оса сидит:

— Кто в хоромах?

Те отвечают:

— Двое нас: муха-громотуха да комар-пискун, а ты кто?

— А я оса-пеструха. Будет мне место?

— Место-то будет, да как в дверь пройдёшь?

¹ Хорóмы – большой, богатый дом.

² Кузовóк – плетеная корзинка с крышкой.

— Мне только крылышки сложить: а я не толста, везде пройду.

— Ну, добро пожаловать!

Она — в кузов, а у двери уж опять спрашивают:

— Кто в хоромах? Кто в высоких?

— Муха-громотуха, да комар-пискун, да оса-пеструха, а ты кто?

— А я слепень-жигун.

— Зачем?

— Да к вам побывать.

— Милости просим! Да пролезешь ли?

— Как не пролезть! Только немножко бока подтяну.

Пролез и слепень в кузовок. Пошли у них разговоры.

Муха говорит:

— Я муха не простая, а большая. Порода наша важная, ведёт род исстари. Везде нам вход открытый. В любой дворец прилетай — обед готов. Чего только я не ела! Где только я не была! Не знаю, есть ли кто знатнее меня!

— Кажется, и мы не из простых! — говорит оса. — Уж не передо мною бы хвастаться! Я всем взяла: и красотой, и голосом, и нарядиться, и спеть мастерица. Все цветы меня в гости зовут, поят-кормят. Не знаю, есть ли кто на свете наряднее да голосистее! Посмотрела бы я!

— А меня не пережужжишь, — сказал слепень.

— Да у тебя приятности в голосе нет. У меня голос тонкий, — говорит оса.

— А у меня и тоньше и звонче! — пискнул комар.

И пошли они перекоряться¹. Только слышат, опять кто-то у дверки возится.

— Кто там? — спрашивают.

Никто не отзывается.

— Кто у терема? Кто у высокого?

Опять ответа нет.

¹ Перекоряться — (устар.) укорять, упрекать друг друга.

— Кто нас тут беспокоит? Мы не сброд какой-нибудь, а муха-громотуха, да комар-пискун, да оса-пеструха, да слепень-жигун.

Сверху не отвечают.

— Надо бы взлететь да посмотреть! — крикнули все в один голос.

— Я первая не полечу, я всех знатнее, — говорит муха.

— Я первый не полечу, я всех голосистее, — говорит комар.

— Я первая не полечу, я всех наряднее, — говорит оса.

— Я первый не полечу, я всех сильнее, — говорит слепень.

И пошёл у них спор: никто лететь смотреть не хочет.

Вдруг в хоромах стало будто темнее.

— Что это за неvéжа¹ нам свет заслоняет? — крикнули все.

— Да ведь это, никак, паук свою сеть заплёл, — сказал комар.

— Ах, и в самом деле! — загудели все. — Как нам быть? Что делать? Надо поскорее выбираться! Покамест ещё сеть не крепка, прорвёмся.

— Мне первой, — кричит муха, — я всех знатнее!

— Мне первой, — жужжит оса, — я всех наряднее!

— Мне первому, — пищит комар, — я всех голосистее!

— Мне первому, — гудит слепень, — я всех сильнее!

И пошёл у них опять спор. Чуть до драки не доходило.

Покуда они спорили и вздорили, паук плёл да плёл свою паутину. А как согласились, кому за кем лететь, все в ней и засели.

¹ Невéжа — грубый, невоспитанный человек.

Михаил Пришвин

Рассказ «Птицы и листья»

В лучах солнца, проникающих в лес осенний, не поймёшь, где листья и где птицы летят. А на большой лесной поляне и упавшие листья не находят покоя: одни, как мыши, перебегают поляну, другие хороводом кружатся, вихрятся, носятся и, когда попадают в течение ветра над лесом, опромётую¹ мчатся под синими, почти чёрными тучами и между ними голубыми сияющими небесными полянками, и тут уже не поймёшь, где листья мчатся, а где перелётные птички.

Папоротник ещё совсем зелёный стоял, но его теперь доверху завалило листвой, ароматной, шумящей под ногой.

¹ Опромётую – (разг.) стремительно, поспешно, очень быстро.

Сергей Есенин

Стихотворение «Нивы сжаты, рощи голы...»

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось...

Стихотворение «Берёза»

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

Стихотворение «Поёт зима — аукает...»

Поёт зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далёкую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с рёвом бешеным
Стучит по ставням¹ свешенным
И злится всё сильнее.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мёрзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

¹ Ставня – деревянный или металлический щит, которым снаружи или изнутри закрывают окна.

Стихотворение «Пороша»

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Вáлит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

Стихотворение «Заметает пурга...»

Заметает пурга
Белый путь,
Хочет в мягких снегах
Потонуть.

Ветер резвый уснул
На пути;
Ни проехать в лесу,
Ни пройти...

Стихотворение «Черёмуха»

Черёмуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.

Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.

А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.

Черёмуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.

Ручей волной гремячу
Все ветки обдаёт
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поёт.

Стихотворение «Ночь»

Тихо дремлет река.
Тёмный бор не шумит.
Соловей не поёт,
И дергáч¹ не кричит.

Ночь. Вокруг тишина.
Ручеёк лишь журчит.
Своим блеском луна
Всё вокруг серебрит.

Серебрится река.
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошённых степей.

Ночь. Вокруг тишина.
В природе всё спит.
Своим блеском луна
Всё вокруг серебрит.

¹ Дергáч – птица, то же, что коростель.

Стихотворение «С добрым утром!»

Задремали звёзды золотые,
Задрожало зеркало затона¹,
Брежит² свет на заводи³ речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные берёзки,
Растрепали шёлковые косы.
Шелестят зелёные серёжки,
И горят серебряные росы.

У плетня⁴ заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

¹ **Затон** – вдавшийся в берег речной залив; заводь.

² **Брежит** – слабо светиться, распространять слабый свет.

³ **Заводь** – небольшой залив, часть реки (или озера) около берега с замедленным течением.

⁴ **Плетень** – изгородь из сплетенных прутьев, ветвей.